

Юрий Светлаков

*Поэта надо издали
любить...*

Юрий Светлаков

***ПОЭТА НАДО ИЗДАЛИ
ЛЮБИТЬ...***

Как мы снимали очерк
«Я душу распахну – входи...»
и о программе
«Как слово наше отзовется...»

Из цикла «Знай наших!»

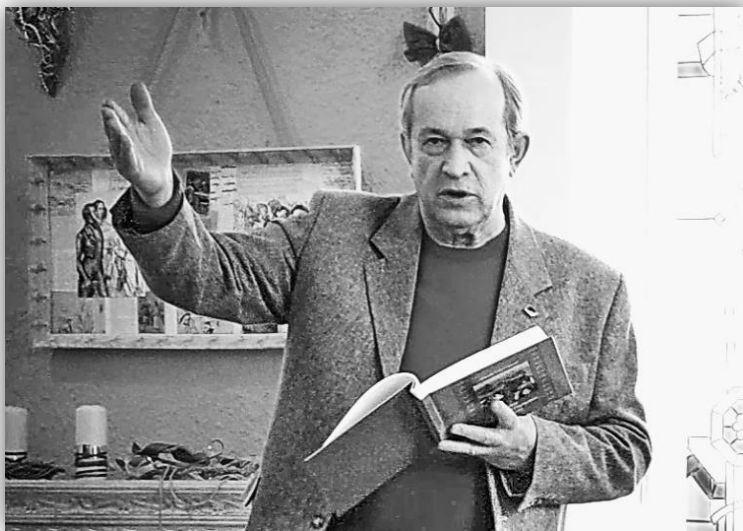
Кемерово, 2017

ББК . 76.032

Светлаков Ю.Я.

С 24 ПОЭТА НАДО ИЗДАЛИ ЛЮБИТЬ...

Кемерово: «Ректаймс», 2017 г. - 136 с. 109 илл.

Автор этой книжки – кинооператор Юрий Светлаков решил, казалось бы, на невероятный шаг – писать о поэзии, что равносильно исполнению музыкальной партитуры для оркестра на балалайке с одной струной. Добиться поэтического звучания с помощью переписи телевизионных передач и фотографий дело довольно сложное, но, как я вижу, это ему удалось.

*Заслуженный артист России, писатель
Владимир Переводчиков*

© Светлаков Ю.Я.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*«Не пора ли, нам замахнуться на Вильяма,
понимаете ли, нашего Шекспира?»*

Из фильма «Берегись автомобиля»

Не знаю, какая муха меня укусила, когда подумал, а не замахнуться ли мне на Василия Дмитриевича, понимаете ли, нашего поэта Фёдорова. Дело в том, что в следующем году исполняется 100-летие со дня его рождения. О Фёдорове писано-переписано много разных воспоминаний и статей, но вот фильмов о нём с «гулькин нос». Кто не понимает, что такое «гулькин нос» – это очень мало. Классный поэт, а фильмов о нём раз-два и обчёлся. Вот тут на свет появляется вторая причина написания этой книжки.

В следующем году исполняется 30 лет, как на Кемеровской студии телевидения мы снимали документальный очерк, проще говоря, фильм под названием «Я душу распахну – входи...» о Василии Фёдорове в составе съёмочной группы:

Тамара Махалова - автор сценария и ведущая.

Юрий Светлаков – кинооператор и режиссёр.

Игорь Линник – ассистент кинооператора.

Валерий Смирнов – звукорежиссёр.

Владимир Ботвинкин – осветитель.

Ещё в 1923 году в статье «Собирайте историю!» Владимир Маяковский писал: «Плакатный архив РОСТА был свален в комнату, по нему прошли армии три курьеров и курьерш, а клочки съели мыши. А ведь по этим клочкам день за днём можно было в стихах и карикатурах проследить всю историю революции». Для будущего, вероятно, важны и «клочки», которые «съели мыши».

Сегодня вроде бы никого не надо убеждать в ценности кинофото документов. Фильм «Я душу распахну – входи...» к счастью не «съели мыши». У меня сохранились фотографии рабочих моментов съёмок.

Сохранились фотографии Виктора Грызыхина, которые выделялись среди других фотографий Фёдорова. Одну из них вы видели на обложке, правда, я к ней добавил облака, как символ Вечности и Поэзии.

В конце концов, я был участником съёмок и если память позволит – поделюсь воспоминаниями о них.

Талантливый поэт был Василий Фёдоров, что и говорить. Если меня на взлёт спросить, какие стихи поэта я помню - на ум сразу же приходят строчки – они запоминались легко:

По главной сути жизнь проста:
Её уста... Его уста...

Упадёт голова – не на плаху.
На стол упадёт...

На Родине моей повыпали снега.
Бушует ветер в рощах голых...

О Русь моя!.. Огонь и дым
Законы вкривь и вкось.
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!

Поэта надо издали любить,
Вблизи его житейская обычность,
Похожая почти на неприличность,
Все впечатленья может погубить.
Поэта надо издали любить.

Ну, и так далее.

Строчку из стихотворения «Нас грешник учит больше, чем святой» я и выбрал в качестве названия этой книжки. Давайте я вначале приведу расшифровку фильма «Я душу распахну – входи...», а потом расскажу о том, как мы его снимали.

РАСШИФРОВКА ФИЛЬМА «Я ДУШУ РАСПАХНУ – ВХОДИ...»

Фильм был снят на 16-мм плёнке, записан на диск с экрана телевизора на бытовом магнитофоне, поэтому качество кадров из фильма не слишком высокое. Но всё равно считаю лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

В кадре берёзовая роща. За кадром звучит голос поэта Василия Дмитриевича Фёдорова:

В священные минуты покаянья,
Когда его греховные признанья
Особенною дышат чистотой,
Нас грешник учит больше, чем святой.

Поэта надо издали любить,
Вблизи его житейская обычность,
Похожая почти на неприличность,
Все впечатленья может погубить.

Поэта надо издали любить.
Не надо допускать к себе чужих,
Шумливо ахавших и нежно льнувших,
В сомнительную щелку заглянувших,
Потом сказавших: «Всё как у других!»
Не надо допускать к себе чужих...

Москва. Арбат.

Тамара Махалова, ведущая:

- Жил на земле поэт. Радовался, страдал, работал, мечтал об отдыхе своей душе, хотел быть понят родной страной. С кинокамерой и микрофоном мы идём по Москве, где он прожил четыре десятилетия, идём к Правлению Союза писателей. Задаём вопросы проходим:

- Поэзию Василия Фёдорова знаете?

- Знаю, прекрасно знаю! Василий Фёдоров – конечно!

- Какое его стихотворение вам по душе?

- Знаете, честно говоря я его стихи и не помню. Привести не смогу, к сожалению.

- Знаю, что он сибиряк, но не знала что здесь жил.

- Ну, что-то из его творчества можете вспомнить?

- Я знаю, но не ожидала вопроса. Много поэтов хороших и разных.

Владимир Солоухин, писатель:

- Я действительно давно знал и знаю Василия Дмитриевича Фёдорова со студенческих пор. Мы вместе учились в литературном институте. Как о поэте, о нём всё известно. Единственно, что можно сказать, мало, кто знает, что он хорошо пел песни русские, он мог рисовать, владел таким даром рисовальщика, художника. Он хотя и дилетантски, любительски в шахматы умел играть, комбинационно умел играть. За что бы он ни брался, он всё делал интересно и талантливо. Даже бильярдом он увлёкся в позднем возрасте, но и там он играл увлечённо, страстно и талантливо.

Валентин Сорокин, поэт:

- Если я буду жив-здоров и перейду его рубеж, возраст его, мне так же его будет не хватать, как не хватает тебе в пути, в жизни твоей родного хутора, откуда ты родом, ладоней отцовских, края своего. Это есть родное, вечное, наше движение к тому ради чего нас мать родит на этот свет, и ради чего состоится судьба наша. Потому что он весь из нас, из нашей жизни, из нашей земли. Он пришёл утвердить нас!

Кадры из фильма «Я душу распахну – входи...», 1988 г.

Кадры из фильма «Я душу распахну – входи...», 1988 г.

Владимир Крупин, писатель:

- Я не был с ним на равных, и я просто счастлив тем, что он как то всё-таки обратил на меня внимание, коснулся плеча. Я помню, он произнёс потрясающую малоизвестную пушкинскую речь в колонном зале Дома Союзов. Она была опубликована, но не имела такого широкого распространения. Были и противники у этой речи. Сидит он такой, опустил голову, а потом поднимает её... Он, конечно, был потрясающе красоты, ума и обаяния человек и говорит: «А! Уеду я в свою Марьевку!» И мы до сих пор его вспоминаем, он мимоходом говорил, но всегда точно. А сейчас слушаешь какого-нибудь говоруна на трибуне, и сразу вспоминаешь фёдоровское «...и говорит он умно и глубоко, но странно слушать сытого пророка», или «...общенародного признанья пути заведомо длинны, поэт обязан быть в изгнании, хотя б у собственной жены». Это вроде бы были шутки. Василия Фёдорова у нас не только не хватает, наша задача – расширить знания о Фёдорове. Это же огромный поэт, поэт уровня Кольцова, Рубцова, Есенина, Некрасова.

Тамара Махалова, ведущая:

- Родился он в Кемерово. В 1919 году его отец – каменщик Дмитрий Федоров с восемью ребятишками поселился в Марьевке. Здесь прошли детство и юность самого младшего – Василия. Здесь были сложены и спеты первые песни.

Титр: **«В Марьевке готовились к празднику».**

Кадры подготовки к Фёдоровским чтениям. Голос поэта:

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги,
И волн весёлую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой, –
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя.
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит.
Она с весёлыми стрижами
О чём-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих милых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,
Всё сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

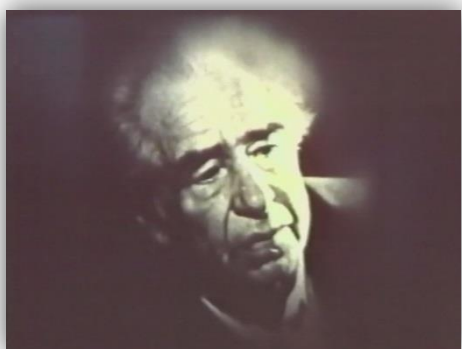
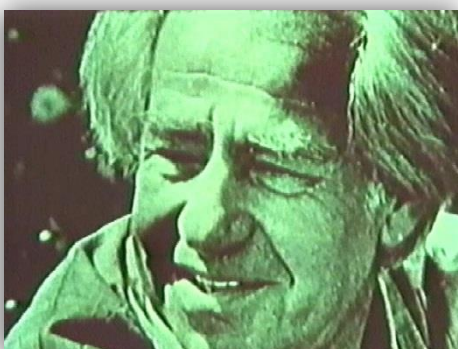
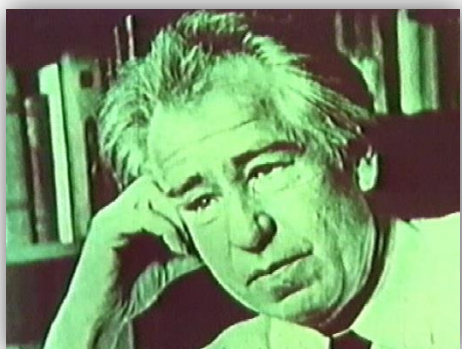
Лежу.
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому, легко.

Кадры деревни. Звучат стихи в исполнении автора:

Упадет голова –
Не на плаху, –
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загалдят, завздыхают:
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдёт...
Между тем,
Голова отдыхает...

Кадры из фильма «Я душу распахну – входи...», 1988 г.

Кадры из фильма «Я душу распахну – входи...», 1988 г.

Село Марьевка и окраины его. Голос поэта:

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зелёных пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.
И пусть я рос, по-детски мало нежась, –
В моей груди всё время будет цвести
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твоё немеркнувшее имя.

Промчится время – много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
– Откуда он? –
И скажут им в ответ:
– Он – марьевский
И поступью, и родом.

Титр: **«В Марьевке встречали гостей».**

Тамара Махалова, ведущая:

- Год 70-летия поэта страна отметила поэтическим праздником. Собрались в Кемерове, в апреле – в Москве, в июле – в Марьевке. Вспоминается последний приезд Василия Дмитриевича на Родину и написанное им тогда стихотворение, прочёл он мне его наутро по приезде по телефону:

Прилетел я доподлинно
Голубыми путями.
Меня встретила Родина
Проливными дождями.

- И в этот раз, в этот год, за неделю до праздника в Марьевке лили проливные дожди. В день праздника 31 июля Марьевка встречала гостей высоким небом, ярким солнцем.

Говорят деревенские жители.

Женщина:

- Когда приезжал – общались. Когда он приедет, просто, как то от души всё живое становится. И выйдет, а я вон живу через овраг, а он здесь. «Привет, Михална!» «Привет-привет, Димитрич!» Поздороваемся – вот.

Мужчина:

- Понимаете, он такой общительный мужик был. Подойдёшь, скажешь: «Василий Дмитриевич! Как это?» В ответ: «Всё надо делать, всё надо работать!» Он такой был мужик, что - ДУША-человек!

Другая женщина:

- Провели нам воду, благодаря его слову. Дорогу нам сделали. Хорошо, культурно!

Ещё одна женщина:

- И кто бы к нему за какой бы помощью ни обратился, он всегда окажет помощь. Такой шибко был одолжительный, хороший. И вот, может быть, это и не нужно говорить, когда, значит, он помер, тут это, была Пасха. Я стряпалась, конечно. Приходит ко мне сестра и говорит: «Василий Димитрич умер!» Ой! Я просто слезой умылась.

Голос Фёдорова:

Пока горит моя заря,
Пока живы мои желанья,
Хочу не славы, а признанья
Того, что прожил я не зря.

Кадры из фильма «Я душу распахну – входи...», 1988 г.

Покаюсь
В самом честном стиле:
Со мной случались иногда
Паденья с кручи, словом, были
Издержки жизни и труда.

Но как же
Не споткнуться было,
Когда с мечтой навеселе
Душа под звёздами парила,
А сам ходил я по земле.

В любви
Возвышенной и строгой,
В трудах суровых, как бои,
Но не затмят звезды высокой
Грехопадения мои!

Да будут
До последних дней
Шуметь и радовать звездою
Над головой моей седою
Знамёна юности моей!

Тамара Махалова, ведущая:

- Вот мы снова в Марьевке, всё было бы хорошо, если бы
Василий Дмитриевич был жив.

Лариса Фёдоровна Фёдорова, жена поэта:

- Обратите внимание, какой спокойный пейзаж. Ведь ничто
в нём не раздражает, ничто там не лишнее. Берег высокий.
Очевидно, они выбирались из-под горы, когда их дом там
стоял. Все Фёдоровы такие, каждый был в душе художник. Им
всем хотелось выбраться на гору. Только он один осуществил
это заветное желание. Именно здесь такие прекрасные стихи
написаны. Об этих снах он говорил в Москве, но видел он их
здесь.

Знаете, он стал всё меньше сидеть на крылечке, больше уединяться. Я пыталась его вытащить сюда, когда прилетали птицы: кукушки, сороки. Я говорила: «Ну, Вася, пойдём, посмотрим!», а Вася говорил свою любимую фразу: «Закрой дверь с той стороны!» Это значит, что он работал. И настолько была у него такая увлечённость, как будто он пишет очередную поэму.

В саду, на скамейке **Василий Фёдоров** рассказывает:

- Любили мы песни петь. Делали, допустим, капустные пельмени. Даже капустные, а всё равно с песнями. Делали всей семьёй за большим столом. И это коллектив как-то спланировал. Сейчас уже прошло так много времени, но если говорить о маме, то самое большое было в ней – это понимание моего, допустим, увлечения. Я иногда просиживал ночами. Она меня не трогала, потому что потом я работал. А лампа, керосин, знаете ли, в те времена был очень дорогим. Его было трудно достать. И это она прощала. А для большой семьи жечь лампу... в деревне гас огонь быстро. Одним словом, я семье обязан просто как явлению, как социальной школе. Для меня было не просто семья, а для меня это была большая социальная школа, потому что круг интересов большой семьи был очень широк, и всё стекалось в семью. Каждый рассказывал по-своему свою историю.

Тамара Махалова, ведущая:

- Старые потускневшие фотографии запечатлели миг человека и его становления. Работал помощником бригадира в колхозе, был секретарём марьевской комсомольской ячейки, учился в Новосибирске, работал в Иркутске на авиазаводе. И всегда главным в его жизни была поэзия. Он писал:

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалил себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

Рассказывают **сёстры Федорова:**

- Знаете, он был вспыльчив. Мы все вспыльчивые. Он вспалится и тут же добрый. Вообще-то он очень добрый был. У него зла не было. А бывает, вспылит, а потом - ай, да зачем же я пылил! Всё бывало... Знаете, один раз, когда он написал поэму «Женитьба Дон Жуана», они приехали, а Лара и говорит: «Марь, ты читала «Дон Жуана» Васиного, вот вышла поэма, он премию получил!» Я говорю: «Ты же, Лар, знаешь, я не люблю стихи!» Она: «Вася! Вася! Манька чё сказала, что она не любит твои стихи читать и Маяковского!» А он говорит: «Ну и что? Маяковского я сам не люблю». У каждого поэта есть свой читатель.

- А сейчас?

- А сейчас я не легла ни разу спать, чтобы я не прочитала стишок. А «Дон Жуана» я уже три раза прочитала.

- А давайте вас проверим, строчку какую-нибудь...

- Нет, наизусть я вам ни одно не расскажу. Как Вася говорил: «Небрежно мы любим живыми, как яростно любим потом». Вот видишь, он живой был, и я не любила его читать. Не то, что я не любила... я не понимаю их. Я вот Ларины стихи с удовольствием всегда читаю – у неё просто всё. А Васины стихи, их надо читать грамотному человеку.

Стихи читает **В.Д. Фёдоров:**

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...
Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет ко груди.
Весь смысл её
И мудр, и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?
То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.
А жизни суть,
Она проста:
Ее уста,
Его уста...

Титр: **«Фёдоровские чтения в Марьевке».**

Мамара Махалова, ведущая:

- Традиционными стали поэтические праздники. В Марьевке открыли новый клуб, новую библиотеку. Марьевцы, особенно ребятишки, знают наизусть многие произведения поэта.

Актёр на сцене в Марьевке:

Праздник сегодняшний наш обозначим
Мы водружением славного стяга
Пусть над землёй он птицей взовьётся
В честь песнопевца земли нашей русской.

Тамара Махалова, ведущая:

- Сибирь не только подарила миру поэта, но и спасла его в самое тяжёлое для него время. 1982 год. Тяжёлая операция, через месяц инфаркт, через два месяца снова операция. Был, как говорится, на краю.

Бор под Кемерово.

Лариса Фёдорова:

- В 1982 году в ноябре месяце Василию Дмитриевичу рекомендовали пожить в санатории «Кедровый бор», профилакторий он назывался для реабилитации сердца. И мы выходили с ним гулять.

Он почему-то избрал сразу этот маршрут. Я его спросила: «Почему ты сюда ходишь?». Он говорит: «Я тебе покажу сейчас одну сосну, она очень интересной биографии». «Какая может быть биография у сосны?» Он подвёл меня к ней и говорит: «Ты видишь, она вся в шрамах? Когда строили санаторий, очевидно, мимо неё возили стройматериалы. Не очень-то жалеют деревья водители, не посторонились от неё, и каждый раз наносили ей какие-то удары и шрамы».

Тамара Махалова, ведущая:

- Лариса Фёдоровна, я недавно перелистывала дневники свои, записи бесед с Василием Дмитриевичем и наткнулась на такую запись как раз об этом моменте, эта запись была сделана 30 ноября во вторник в 1982 году. Василий Дмитриевич рассказывал про эту сосну, что и руки-то у неё сломаны, и бок ободран, а живёт, видимо, связана корнями с землёй. От неё из земли получал силу. Когда ему надо было проходить три километра каждый день, он подходил к сосне, клал на неё руку – хотел её утешить и помочь ей. И почувствовал, что и она ему помогает. Он как бы говорил ей: «Помоги, дай мне силу!» И он почувствовал эту силу. Вот так, говорит, я её пожалел, и она меня пожалела – дала мне силу на выздоровление.

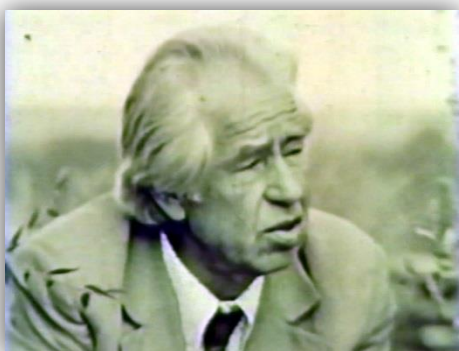
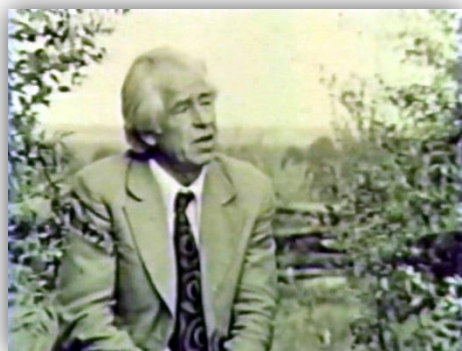
Стихи читает **В.Д. Фёдоров**:

Время село на плечи мои.
Как живое,
В извечном полёте,
На одном, роковом обороте
Время село на плечи мои.

Время тот сторожило момент,
Когда жизнь моя
В беге запнётся,
Скорость века с моей разойдётся.
Время тот сторожило момент.

Кадры из фильма «Я душу распахну – входи...», 1988 г.

Кадры из фильма «Здесь отчий дом». 1980 г.

Стал я ниже и ближе к земле.
Время давит.
С него-то и случилось,
Что и в росте уменьшился малость –
Стал я ниже и ближе к земле.

Не ветвями – корнями расту.
Есть у жизни
Почти до погоста
Хитрый фокус обратного роста.
Не ветвями, корнями расту.

Время село на плечи мои.
Говорю я,
Любивший запойно,
Хоть и грустно, а всё же спокойно:
Время село на плечи мои.

Бард Владимир Турапин поёт песню на стихи Василия Фёдорова:

До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звезд, набегавших из ночи,
На стальном я летел корабле.
Наши сроки межзвездные кратки:
Там минута – здесь жизнь.
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забежал я на землю твою.
Забежал, у огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть ничего не успел...

«На Родине моей выпали снега...»

Стихи читает В.Д. Фёдоров, как бы продолжая песню:

Но в глаза я твои загляделся
И успеть Ничего не успел.
А меня уже –
Ты ведь не слышишь
Мой корабль отдохнувший зовёт:
Тише ветра, Дыхания тише
Он сигналы свои подаёт.
И хочу я,
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной, последней разлуки
Улетевшим считала меня.

Девочка в классе читает стихотворение В.Д. Фёдорова:

На Родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга,
И печи топятся в притихших сёлах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблёскивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли – спят.
Среди снегов запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместилось всё
В сознании моём:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своём
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега.
Я их люблю,
За что – и сам не знаю.

Егор Исаев, поэт:

- Я против всех култов. Я за культ личности в каждом человеке. В нём много было народного, он весь народный человек. Потому и литература-то его так высока и поэзия его так высока и прекрасна. Потому что он – народный человек. Слушайте – как он умел переживать! Как он умел чувствовать! Даже не умел, а чувствовал истории. Чувствовал историю народа, как биографию человека. Понимаете, он – философ! Философ по натуре. О нём говоришь – и живёшь, такой он неповторимый, такой сибирский. Какой его стих, вы посмотрите!

О Русь моя!..
Огонь и дым,
Законы вкривь и вкось.
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!

От Мономаховой зари
Тобой – сочти пойдя –
Клялись цари и лжецари,
Вожди и лжевожди.

«О, Русь моя!...»
Художник Герман Захаров

Ручьи кровавые лились,
Потоки слов лились.
Все, все – и левые клялись,
И правые клялись.

Быть справедливой
Власть клялась,
Не своевольничать в приказе.
О, скольких возвышала власть,
О, скольких разрушала власть
И опрокидывала наземь!

У ложных клятв
Бескрыл полет,
Народ – всему судья.
Лишь клятва Ленина живёт,
Лишь клятва Ленина ведёт,
Все клятвы перейдя.

Народ,
Извечный, как земля,
Кто б ни играл судьбой,
Все вековые векселя
Оплачены тобой.

Не подомнёт тебя напасть.
Не пошатнёшься ты,
Пока над властью
Будет власть
Твоей земной мечты.

Кто это напишет? Никто!

А теперь о том, как мы снимали очерк «Я душу распахну – входи...» В основном это будут чудом сохранившиеся фотографии рабочих моментов, правда, не высокого качества, т.к. многие из них пересняты не с негатива, а с фотокарточки.

КАК И ГДЕ МЫ СНИМАЛИ?

30 лет прошло с той поры, когда мы снимали фильм «Я душу распахну – входи...»

Удивительно устроена наша память, или тот механизм, где записывается и хранится наше прошлое. Она (память) помнит те моменты, которые фиксировались не только зрением, но ещё ярче с добавлением других органов чувств. Например, тактильными – кирпич на голову упал, звуковыми – песня прошлых лет и так далее, а главное, память, связанная с эмоциональным состоянием.

Я помню прошлое в виде картинок без начала и конца, чаще всего без звука, как обрывки немого кино. Память хранит очень многое, но не все события выдаёт «на гора», более того, с годами далёкие времена вырисовываются всё ярче и ярче, а вчерашнее сливается в один мутный поток. Как хорошо, что есть фотографии – возбудители воспоминаний.

Итак, надо вспомнить, что было 30 лет назад.

Первые съёмки были в селе Марьевка, куда мы приехали рано утром. Съёмочная группа состояла из четырёх съёмщиков: Тамара Ивановна Махалова – автор сценария и ведущая, второй оператор Игорь Линник, я, как режиссёр-оператор, сокращённо – режопер, и водитель, не помню кто.

До этого я ни разу не был в Марьевке, но из биографии Василия Дмитриевича Фёдорова знал, что там есть Назаркина гора, где стоит дом Фёдоровых, под горой речка, а может и не речка, а озеро со странным названием Кайдор. Если прочитать полслова наоборот, получается «род – кая». Кай – название кипчакского племени. Не будем отвлекаться.

Как обычно пишут – «кругом кипела работа». На главной площади посёлка кто устанавливал большой портрет Фёдорова на сцене, кто репетировал игру на гармошке, кто вешал на столб репродуктор...

Открывались продуктовые и книжные киоски...

В Марьевке готовились к открытию очередных Фёдоровских чтений.

На съёмке в Марьевке

Мы сразу же начали снимать. Одна особенность была у тех съёмок. Снимали мы на 16 мм плёнку с коэффициентом расхода 1:3. – это значит один полезный метр идёт в фильм, а два можно в корзину. Не то, что сейчас при съёмке на видео. «Поливай» налево – направо, авось, что-нибудь получится.

Тогда, прежде чем нажать на кнопку камеры, надо было замерить экспозицию, поставить диафрагму, подумать о композиции кадра, о световом решении, о метраже – чтобы уложиться в коэффициент, и ещё многое другое. Тогда, надо было вначале думать, а потом снимать.

Надо было подумать и о звуке. Например, мы уговорили местного звукаря, чтобы он разрешил через громкую связь произнести слова: «Сидоров! Сидоров! Куда, мать твою, гвозди дел?» и сняли это на плёнку – авось пригодится при монтаже.

Поснимали мы на площади и приезд гостей, и открытие Фёдоровских чтений, и в школе девчонку, которая прочитала стихотворение «На Родине моей повыпали снега...», и в музее-усадьбе интервью у забора с видом на речку с женой В.Д. Фёдорова Ларисой Фёдоровной и ещё с двумя сельскими жителями. Запомнились мне две реплики Ларисы Фёдоровны сказанные ею, не помню, до или после съёмок:

- Когда мы только поженились, Вася сказал: «Давай договоримся, я буду писать стихи, ты – прозу. Два поэта в одной семье – перебор».

- Когда я заглядывала в комнату, где Вася работал, то он обычно мне говорил: «Закрой дверь с той стороны».

Ещё я попросил Ларису Фёдоровну закрыть, а потом открыть ставни в доме, помня о том, что ранее оператор Сергей Мякишев снял Василия Дмитриевича Фёдорова в окне дома.

Потом мы пошли бродить по деревне в поисках кадров. Проходя, не помню, на какой улице, но помню, во дворе дома № 37 увидел мальчонку, который катался на трёхколёсном велосипеде и двух пожилых женщин.

Поздоровался и спросил, не знакомы ли они с поэтом Василием Фёдоровым. Оказалось, это были его сёстры не то двоюродные, не то родные.

Разговорились. Помню, как одна из них сказала, что в детстве не любила Васины стихи, но сейчас даже всю поэму «Женитьба Дон Жуана» знает наизусть. Я не поверил. Она стала читать. И понеслись над селом чудесные строки высокой поэзии. У меня аж мурашки по телу побежали.

Этот эпизод потом вошёл в фильм. Ни в каком сценарии он не был прописан. Жизнь сама предоставляет тебе события – успевай снимать!

Потом я встретил этих женщин у Назаркиной горы, они беседовали с Тамарой Ивановной Махаловой.

После съёмок, в обеденное время купили с Игорем в местном сельпо буханку свежего хлеба, и пошли бродить по деревне в поиске кадров, привязываясь к здешним девчонкам с вопросами: «Скажите, а вы случайно с Фёдоровым в одном классе не учились?», «А немцы в деревне есть?», «Как пройти в библиотеку?» Ну и так далее. При этом, всякий раз предлагали откусить кусочек от нашей булки хлеба, которую потом доели, запивая холодной водой из колодца.

Тут, надо признаться, что операторы народ скромный и без камеры не станут «клеить» девчонок и привязываться с глупыми вопросами. Но когда в руках камера и мы при съёмках, то становимся наглыми и нахальными.

Следующая съёмка проходила в Москве.

Вначале мы на Арбате обращались к прохожим с вопросом, знают ли они поэта Василия Фёдорова. На удивление многие знали поэта и даже читали его стихи.

В квартире у Фёдоровых на стене висело много фотографий, но я почему-то не снял ни одной.

Потом мы поехали в Переделкино на дачу Василия Дмитриевича, где я снял несколько кадров.

Потом с Тамарой Ивановной пошли бродить по Переделкино в надежде встретить какого-нибудь писателя.

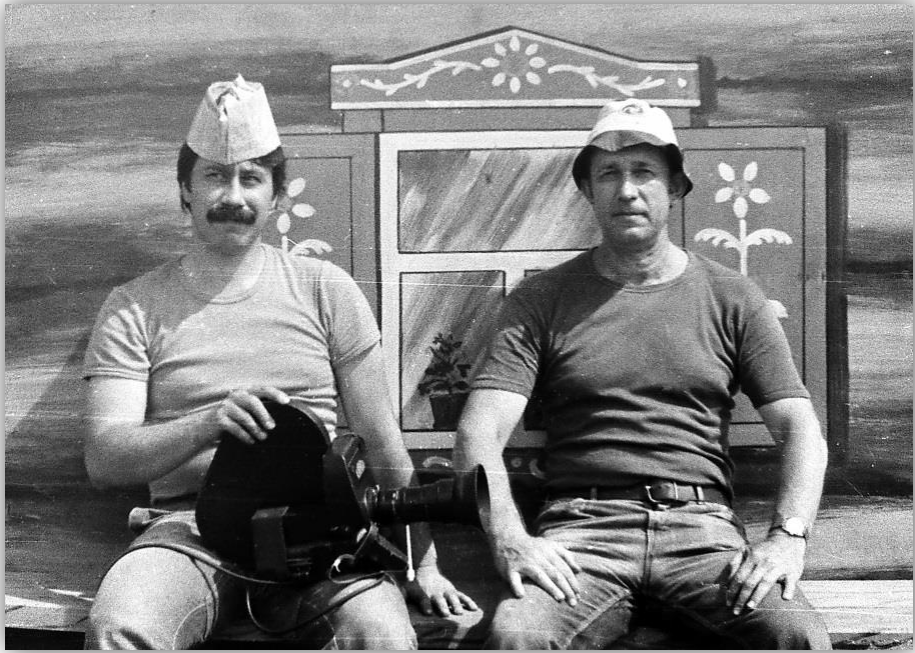
«Здравствуй, Маша, я Дубровский!»

На съёмке в Марьевке

На съёмке в Марьевке

Кинооператор Игорь Линник (слева)

Поэт Любовь Никонова

На съёмке в Марьевке

Внутри дома

1. Мухоморы
2. аманиты
4. не ядовиты

Купи к лопе
и один мешок
докупь все нужное
и все о надворье

Есть
Мухоморы -
и не надо их носить,
они ядовиты, а мухоморы
ядовиты только если
они свежие. (С. Смирнов)

172 и в этот раз
и в этот раз
и в этот раз

Рукопись В.Д. Фёдоров

Интервью у забора с Ларисой Фёдоровой

На съёмке в Марьевке

Сёстры В.Д Фёдорова

На съёмке в Марьевке

Лариса Фёдоровна Фёдорова (вторая слева)

На съёмке в Марьевке

Тамала Махадлова (слева) и Лариса Фёдорова

Съёмка в Москве

В доме Беллы Ахмадулиной никого не было, за исключением кота, или кошки, которая ходила по перилам веранды с выражением на морде «Ходят тут всякие!»

Постучали в калитку дачи Евгения Евтушенко. Вышла какая-то сердитая тётя, сказала, что его нет дома, и за порог не пустила. Не повезло!

Тогда решили поехать в Союз писателей. Там во дворе сняли разговоры с писателями Владимиром Солоухиным и Владимиром Крупиным, поэтом Егором Исаевым. До сих пор помню, как Егор Исаев громким голосом, как у Маяковского говорил о Фёдорове:

- Ну, кто так может сказать?

О, Русь моя!..
Огонь и дым,
Законы вкривь и вкось.
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!

От Мономаховой зари
Тобой – сочти пойдя –
Клялись цари и лжецари,
Вожди и лжевожди...

Никто!

Почему-то запомнились строчки из стихотворения Фёдорова, не помню только, кто из писателей их произнёс:

Берегите меня
До последнего часа,
Берегите меня,
Как цыгане коня,
Чтобы гикнуть потом
И умчаться.

Вот, что сегодня пришло на память о тех съёмках 30-летней давности.

На даче в Переделкино у Фёдоровых

Съёмки в Переделкино

Поэт Егор Исаев (второй слева)

Поэт Владимир Крупин (слева)

Съёмка у дома Союза писателей

Поэт Валентин Сорокин (слева)

Съёмка у дома Союза писателей

Уже уходя из Союза писателей, в переулке встретили поэта Валентина Сорокина. Он тоже сказал несколько слов о Фёдорове.

В следующий приезд в Кемерово Ларисы Фёдоровны Фёдоровой в елыкаевском бору, где проходил восстановление после операции Василий Дмитриевич, сняли её рассказ о сосне. Вместе с ней приехал бард Владимир Турапин с песнями на стихи Фёдорова. Сначала я его снял непонятно зачем в стоге сена. Вероятно, было красиво.

Что я главное понял из этих съёмок фильма «Я душу распахну – входи...»?

Смысл стихотворения сокрыт в самом слове «стихотворение» – Творение Стихии. Стихия – это ветер, буря, молния, а не тихое болото. Строчки стиха даются избранному поэту выйти за пределы бытия на тонкий план познания любви к Человеку.

Что касается темы этой книжки, ещё раз подчеркну, что в создании фильма участвуют помимо автора сценария (продолжаю утверждать, что в документальном кино он не всегда нужен) есть и не только другие создатели: режиссёр, оператор, но и безывестные соратники: водители, осветители, монтажницы и другие помощники.

Фильм рождается два раза – один на съёмках, другой при монтаже.

Наверно, я не прав. Фильм рождается трижды. Третий раз – в зрительном зале, или на экране телевизора, когда его смотрит зритель. Как оценит он твою работу, какой звук всколыхнёт в его душе. Мне интересно было узнать и тогда и сейчас.

30 лет назад после показа фильма не встретил ни одной рецензии о фильме. Что-то говорили на летучке и всё.

Поэтому попробую поискать в Интернете всё, что касается фильма «Я душу распахну – входи...»

А ты, уважаемый читатель, пока продолжай рассматривать фотографии о съёмке фильма и фотографии нашего удивительного поэта Василия Дмитриевича Фёдорова.

Съёмка в Москве

Съёмка в Елыкаево

Бард Владимир Турапин

Съёмка в Елыкаево

Сергей Михалков и Василий Фёдоров

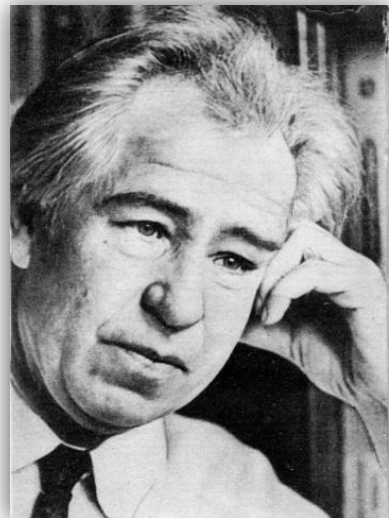
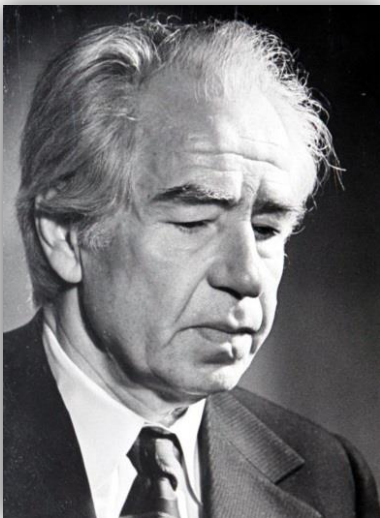

Фото из альбома Ларисы Фёдоровой

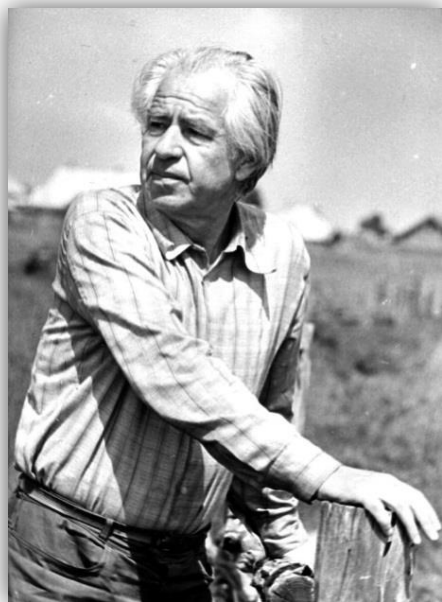
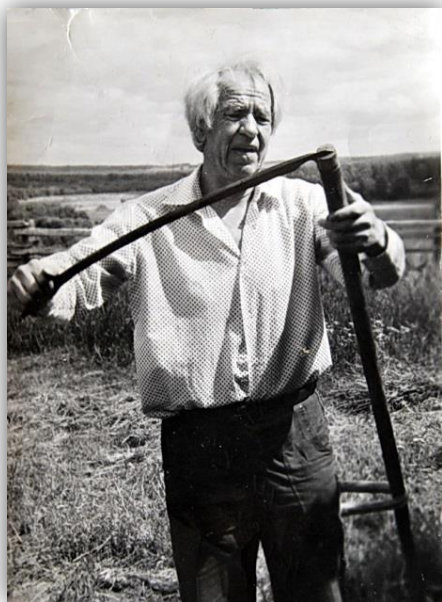
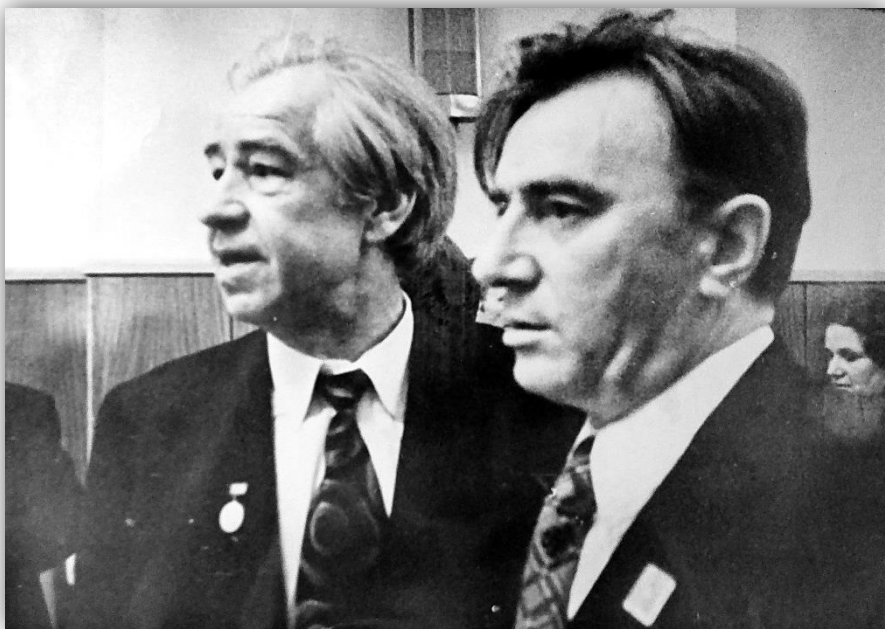

Фото из альбома Ларисы Фёдоровой

Василий Фёдоров и Егор Исаев

Василий Фёдоров и Владимир Солоухин

Фото из альбома Ларисы Фёдоровой

Фото из альбома Ларисы Фёдоровой

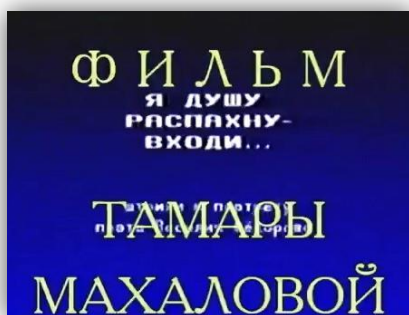

Фото из альбома Ларисы Фёдоровой

Продолжаю поиск документов о фильмах про Фёдорова.

Первым делом заглянул в Интернет. А куда нынче без него? Набрал строчку **«Я душу распахну...»** и первое, что увидел в Ютубе. «Поэт Василий Фёдоров. «Я душу распахну - входи...» в 4 частях. **Фильм Тамары Михайловой**, посвященный поэту Василию Фёдорову. Продолжительность фильма - 32 минуты, поэтому для данного ...»

Возникают вопросы. Почему фильм какой-то Тамары Михайловой? Не Махаловой, а Михайловой. Почему в 4 частях? Открываю просмотр первой части и вижу титр:

Опять вопрос – почему фильм только одной Тамары Махаловой? Была же съёмочная группа!? Выходит, не было в этом фильме ни оператора, ни режиссёра, ни звукооператора, ни осветителя, ни водителя – одна автор сценария и ведущая

Но самый гениальный литературный сценарий не покажешь на экране. Чтобы замысел воплотился на экране – нужен хотя бы оператор, который весь этот «бред» снимет на плёнку.

Почему я сценарий документального кино называю «бредом»? А как иначе назвать то, что никому не нужно, разве, что для бухгалтерии. Допустим, я напишу «Мама мыла раму». Раньше я приводил пример «Дядя Петя пошёл купаться и утонул». А если мама не будет мыть раму, а дядя Петя не пойдёт купаться? Допустим, купаться пойдёт, но тонуть ни за какие коврижки не захочет. Происходит отторжение, несовместимость тканей выдуманного сценария и реальной жизни. Что делать?

В документальных съёмках важна Мысль. Ибо, в начале, не слово было – вначале Мысль была. Первое условие проявления Мысли – Удивление, а потом Охота за кадрами. Жизнь перевернёт все выдуманные ситуации с ног на голову.

Ещё на заре кинематографа Лев Николаевич Толстой, по воспоминаниям его секретаря Александра Гольденвейзера, говорил: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совместно сочинять про какого-нибудь выдуманного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

У меня в голове всё крутится вопрос: «Кто же в Интернете на Ютубе выставил фильм «Я душу распахну – входи...» с упоминанием лишь одного автора?»

Скоро сказка сказывается...

Продолжим искать. В одной публикации о Фёдорове увидел такие строчки: «17 апреля 2017 года совершили виртуальное путешествие на родину писателя в село Марьевку, посмотрев документальный фильм «Я душу распахну...»

Видео Александра Кочеткова. Осенью 2009 года он переправил диск с фильмом (переписан в Кемерово с видеокассеты) в Москву поэту В.В. Сорокину. Остальное было делом техники...»

Выходит, что некий Александр **Кочетков** осенью 2009 года переправил диск с фильмом в Москву поэту В.В. Сорокину.

Но кто такой Александр Кочетков?

После недолгого поиска оказалось, что его имя было у меня на слуху, он когда-то жил и работал журналистом в Кемерово и звали его Александр **Северный**. Нашёл его имя в Интернете и его новую книгу, где много страниц посвящены Василию Дмитриевичу Фёдорову и в частности историями, связанными со съёмками фильмов о нём.

Откроем книжку Александра Северного «**Сибирь. Поэзии дыханье**». Читаем:

...Тамара Ивановна Махалова, друг семьи поэта и его супруги Ларисы Фёдоровны, внесла неоценимый уникальный вклад в прижизненное увековечивание Поэта России и Сибири, одна из первых, после его земного ухода 19 апреля 1984 года издала несколько книг в Кузбассе, документальные фильмы о поэте.

ФИЛЬМ... ЦЕНОЮ В 250 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ...

Кратко-сжатая предыстория. В сентябре 2008 года находился впервые в Сибири, приехав по воле души на Фёдоровские чтения, в год 90-летия поэта России и Сибири Василия Дмитриевича Фёдорова. В Кемерово, в областной научной библиотеке, носящей имя Поэта, ознакомился с книгой Тамары Махаловой «На родине поэта Василия Фёдорова», вышедшей в 1998 году, которую, за неимением возможности приобрести, просто-напросто откопировал для дальнейшего изучения.

Сразу же особое внимание привлекли 55 и 56-ые страницы, на которых были перечислены автором книги ФИЛЬМЫ о ПОЭТЕ, в которых сама Тамара Ивановна Махалова выступала автором и ведущей:

1. «ЗДЕСЬ ОТЧИЙ ДОМ» год 1980.
2. «ЕГО СТИХОВ ВЫСОКИЙ СВЕТ» год 1985.
3. «Я ДУШУ РАСПАХНУ - ВХОДИ!» год 1988.

Два первых фильма сгорели на Кемеровской телестудии во время пожара. Осталась одна копия первого фильма в музее в Марьевке, о чём в Обращении в 2001 году и писала Тамара Ивановна. Да и сам первый вариант после съёмок в 1980 году был «сварен», пришлось дописывать, переделывать, ехать снова к Поэту в Марьевку.

Многие кадры оказались невосполнимыми, так и не увидели своего зрителя. В 2009 году, в год 25-летия Народной памяти Поэта, мне несказанно повезло. Удалось достать видеокассету с переписанным на неё фильмом 1988 года.

Лично познакомился с Тамарой Ивановной Махаловой. Узнал подробности киносъёмок тех лет. Ещё меня ждал сюрприз, о котором просто не знал, находясь в Марьевке в 2008 году.

Оказывается, к Фёдоровским чтениям, в год 90-летнего юбилея поэта Василия Фёдорова, районная библиотека сделала добротный памятный фильм «Воспоминания о поэте Василии Фёдорове», который тиражом в 30 экземпляров разошёлся по знатным гостям. В этот фильм вошли почти все сохранившиеся сюжеты с личным участием Поэта из фильма 1980 года. В 2008 году последний раз «крутилась» кинолента фильма 1980 года, взятого из музея Поэта в Марьевке. А как мне в личной беседе подробно рассказал видеограф фильма А. Крутов, перед ним не стояло задачи перенести фильм полностью на другой носитель, только выборочно, где есть бесценные кадры с живым голосом Поэта. Для более качественной перезаписи требовалась другая аппаратура и технические условия. Кстати, параллельно районная библиотека сделала ещё и фильм-слайд-обзор «Всему начало здесь». Технический прогресс делал своё дело. Отпала надобность копировать на киноленту фильм, и даже на смену видеокассетной ленте пришло цифровое обеспечение – жёсткие диски.

Но фильм 1980 года продолжал лежать без должного внимания в музее Поэта. Работники не могут теперь с гордостью говорить, что у них есть копия фильма с живыми кадрами и голосом поэта Василия Фёдорова. Раньше кино показывали, но времечко бежит неумолимо вперёд, что даже аппаратуру сейчас трудно сыскать для просмотра... Что уж говорить о плёночке, которой «стукнуло» под тридцаточку с гаком лет. Нужна уже современная реставрация для последующего тиражирования на новых носителях информации исторического и уникального во времени фильма. Сделать его достоянием большинства людей, направив в учебные заведения, хотя бы Кузбасса для начала.

Именно такая задача стояла перед членами комиссии по литературному наследию поэта, прозаика, публициста Василия Дмитриевича Фёдорова. В этом плане фильму 1988 года повезло больше. Он был переснят на видеокассету и размножен. Конечно, копии и последующие перезаписи оставляли желать лучшего, это не современные лазерные диски. Мне досталось то, что смогло, но перезаписать сразу на жёсткий носитель не удалось.

Он был отправлен по почте в Москву истинному ученику Поэта поэту, писателю, публицисту Валентину Васильевичу Сорокину, который не единожды бывал на Малой родине Василия Фёдорова. На мой вопрос: «Как фильм?» Валентин Васильевич ответил, что фильм сразу же поместили в интернете для широкого пользования, разделив его на 4-е части по 10 минут для удобства.

А там кадры интервью, которое берёт Тамара Махалова в Москве у самого Валентина Васильевича Сорокина в 1988 году, в год 70-летия Поэта и его 4-ой години. В ноябре 2009 года был в Москве. В Центральном Доме литераторов состоялась встреча и личное знакомство с В.В. Сорокиным. Обменялись книгами. Рассказал о двух своих поездках в Сибирь на Малую родину Василия Дмитриевича, о проблемах. Им было принято решение: вынести на комиссию по литературному наследию Поэта вопрос о назначении меня сопредседателем данной комиссии, чтобы курировал Сибирский регион. Эта общественная деятельность ко многому обязывала. Поговорили и о фильме 1980 года. Валентину Васильевичу дал слово постараться разрешить залежалую проблему с 2001 года, привезти фильм в Москву.

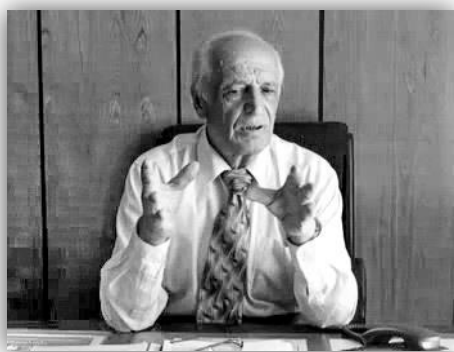
2010 год: 25-ые Фёдоровские чтения. Подарком от комиссии по литературному наследию Поэта была фото-картина памятника - скульптуры Василия Дмитриевича Фёдорова, работы народного художника России Анатолия Андреевича Бичукова, что был установлен на Кунцевском кладбище в Москве в 1991 году. Также фотоальбом с разных ракурсов чтобы гости музея могли видеть и знать. Но кому-то моя общественная нагрузка, данная Сорокиным В.В., пришлось в Сибири не по вкусу. Видимо, медаль не давала покоя. (А.Г. Тулеев вручил Северному медаль за эту книгу. Примечание автора). Вот и подошли к началу нелицеприятной истории, когда в литературном музее Поэта была озвучена цена данного фильма 250 тысяч рублей (???)...

С какого перепугу вдруг появился ценовой предлог отказа в оказании действенной помощи, чтобы легендарный фильм стал достоянием гласности, широкого круга познания?.. И это в святая святых... Уехал не солёно хлебав... Не так обидно, как прискорбно...

Чуть позднее понял сполна суть возникшего противостояния, длящегося до сих пор... Кто-то вздумал Создать свою вотчину, въехать в рай на чёрном коне, горделиво, с притопом, заносчиво. К роднику пройти по тропе... Да, неведомо, горемыкам, узколобо крутя дугу, что вся Поэзия Поэта ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА боролась с пошлостью, Не дав в строках и пяди Родной земли Коварному врагу... Признаки отчуждения, фальши, коварства проявились в 21 веке, начиная с 11 сентября 2009 года: лицемерно и безбашенно «сыгранными», по-бабски, на дурака...

Будем «КРУТИТЬ КИНО» дальше???

20.08.2014

Валентин Сорокин

Александр Северный (Кочетков)

Что следует понять из этого отрывка?

Александр Северный передал копию фильма Валентину Сорокину, а тот разместил в Ютубе «для широкого пользования». Доброе дело свершил. К замечаниям сведений из текста книги Александра Северного я ещё вернусь, а, коль упомянули имя поэта Валентина Сорокина, решил привести в этой книжке видео интервью – его воспоминание о Василии Дмитриевиче Фёдорове записанное Владиславом Цылёвым летом 2011 году.

Что мы тогда, 30 лет назад, могли снять в Москве, встречаясь с известными поэтами и писателями – только реплики, а была бы видеозапись, они могли бы рассказать о Фёдорове примерно то, что рассказал в интервью Валентин Сорокин:

- Рассказать, как я написал ему письмо? Вот я читаю его стихи, тиражи у него были небольшие – тысяч десять, пятнадцать, тогда это считалось маленьким тиражом. Господи, неужели такой поэт пришёл!? Пришёл, думаю, отомстить тем, кто угробил и расстрелял Васильева, Корнилова, Ганина, Клычкова и так далее, из той есенинской школы. Есенин в 1925 ушел, а через 12 лет их убрали. Это долго рассказывать – они были красивые, сильные и отважные поэты. Ну, вот я читаю Фёдорова, думаю, вот это мой поэт родной, слава Богу, есть на кого опереться.

Проходит год. Мне уже девятнадцать. Я ему пишу письмо: «Дорогой, Василий Дмитриевич! Я покупаю ваши книжки. Если их нет, я нахожу людей, и у них ваши книжки вымениваю на Роберта Рождественского, потому что его книжки большими тиражами выходят. Я решил вам выслать свои стихи. Очень вас прошу, если я бездарный, не отвечайте, не обижусь. Но если я одарённый и талантливый поэт, и вы мне не ответите, я вам никогда не прощу. Валентин Сорокин». И свой адрес.

Дело в том, что у нас в мартеновском цехе другие дисциплины и другие люди работали. Я в мартене работал с шестнадцати лет.

И вот я Фёдорову написал письмо, бригада знала, что отправил Фёдорову письмо. Попробуйте меня обидеть! Весь мартен поднимется за тебя. Настолько дружная бригада была, как на флоте. Кстати говоря, они любили стихи.

От Фёдорова три месяца нет ответа. Начинают волноваться. Четыре месяца!

Седьмое ноября, я пошёл на работу, дверь открыл, смотрю в почтовом ящике какой-то пакет, не пакет. Открываю – телеграмма! Читаю.

«Дорогой Валентин, поздравляю тебя с Великим праздником, 7 ноября Великой Октябрьской революции и с книгой стихов, которая уже сдана в издательство «Советский писатель». Ты уже поэт! Василий Фёдоров».

Прихожу в мартен. На летучке начальник смены зачитывает мою телеграмму.

Все ликуют! Ура! Дождались! Вдруг по селектору, объявляют: «Сорокину три дня не выходить на работу!»

Я еду в Москву к Фёдорову. Беру с собой ещё друга. Вот, мы приезжаем, останавливаемся в гостинице «Украина», в люксе, так как деньги у нас в мартене платили неплохие.

Звоню Фёдорову, а его жена говорит, что его нет, он в Чехословакии – завтра прилетает. А вы где? Я говорю – в гостинице. Сказал номер телефона.

Утром на следующий день – звонок.

- Это Фёдоров говорит. Это ты, Валентин?» Я говорю: «Я».

- Ты где?

- В гостинице «Украина».

- Какой номер?

- Сто шестнадцатый.

- Как ты туда попал, у тебя что, денег много?

- Ну, так, есть маленько.

- Так, давай ко мне сейчас!

Пришли мы где-то после обеда. Я никогда не был наглым человеком, но и никогда не был трусливым человеком. Я хочу нажать на звонок, но опускаю руку. Друг нажал – выходит Фёдоров. В сером костюме, седой, симпатичный такой. И кричит: «Лара! Иди сюда, иди сюда!» Она подбегает: «Что, Вася?» Он ей говорит: «Вот, посмотри на этого мартеновца, стихи видишь у него какие-то. Посмотри, какой бледный, на нём лица нет! Стесняется. Лара, дай ему водки!» Она убежала. Несёт полстакана водки и ягодку закусить. Он наблюдает. Я, значит, выпил, закусил. «Вот теперь заходи!» Я зашёл, у них стол был уже накрыт. Потом мы всю ночь друг другу рассказывали о себе, стихи читали. Вся моя последующая жизнь была связана с Фёдоровым. Я у него был и друг, и сын, и брат. Однажды я бегу по ресторану в ЦДЛ, вижу, он сидит.

- Ты куда? Иди сюда! Садись. Давай выпьем!

- Давай!

- Ты уже взрослый человек, посоветуй, как мне быть? Хочу «Жигули» купить.

- Ну и хорошо.

- А ты знаешь, какие очереди! А что, если я напишу Косыгину письмо, как ты думаешь, дадут мне машину, или нет? Я же Лауреат Государственной премии.

- Господи, да конечно дадут! Косыгин же родной человек, а вы такой известный поэт.

- Так-то оно так. Давай, выпьем.

Выпили.

- Писать письмо?

- Да

- Давай ещё выпьем.

Выпили третий раз. Он мне говорит:

- Ты считаешь, я должен писать? Подумаешь, Косыгин. Я его уважаю. Чё я ему буду писать?

Он мог бы быть великим религиозным деятелем по своему мировоззрению, мироощущению.

Вот он однажды мне говорит:

- Скажи, почему у тебя столько религиозных чувств? Почему, Валя, ты что, считаешь, что Храм возродится, религия возродится?

Я говорю, что не только считаю, не сомневаюсь даже!

- Так считаешь? А то, что тогда «Партия - ум, честь и совесть народа»?

Я до сих пор думаю, что он это или иронично сказал, или подумал, что наш разговор вдруг записывают. Многие поэты в то время жили под страхом. Ему нравилась моя позиция. Он говорил: «Ты молодец, что ты не крутишься, не лавируешь, идёшь так, как сердце велит». Однажды мы идём с ним и другими поэтами на какую-то встречу. Он за сердце держится и мне специально громко, чтобы другие слышали, говорит:

- Валентин, помоги поэту Рахманову. Помоги ему стать членом Союза писателей. Ты можешь это сделать. Я не могу, у меня сердце болит. Он очень талантливый человек, правда, блестящим русским поэтом он никогда не будет, но очень талантливый. Помоги.

Кадры из интервью с поэтом Валентином Сорокиным

А теперь вернёмся к Северному.

Есть в тексте его книги «Сибирь. Поэзия дыхания» пара неточностей, например, о том, что «два первых фильма сгорели на Кемеровской телестудии во время пожара».

Я не раз рассказывал, как на студии раздули пламя «большого» пожара в фильмотеке. Да, пожар был, в блоке, где хранились широкая 35-мм плёнка.

Ремонтировали отопление и при сварке искра попала на коробку с горючей плёнкой. Естественно, возник пожар, который быстро потушили. Но несколько коробок с фильмами оказались повреждёнными. Но это были фильмы на 35-мм основе. Всё остальное, сюжеты и очерки на 16-мм плёнке остались целыми, т.к. они хранились в другом блоке.

Потом стали нетронутую огнём плёнку сжигать в железной бочке (я был тому свидетелем) и как мне сказали, это, мол, надо для выполнения плана по серебру. Был такой приказ, сжигать отходы от монтажа, но не готовый же материал!

Так мы лишились такого уникального исторического памятника, как киноплёнка. Многое, что было за многие годы отснято операторами, просто уничтожено, но не пожаром. И эти два фильма «сгорели» не от пожара.

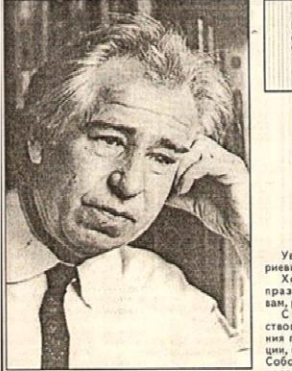
Ещё одна неточность. Фильм «Здесь отчий дом» снимали Зоя Естамонова – автор сценария, Николай Ставцев – режиссёр и Сергей Мякишев – кинооператор. Тамара Махалова была лишь ведущей. Премьера фильма состоялась 18 декабря 1980 года.

Кто такой видеограф фильма А. Крутов? Никаких сведений не нашёл.

Ещё мне рассказали, что когда-то Тамара Ивановна Махалова в какой-то газете опубликовала обращение к руководителям культуры Кузбасса о восстановлении и сохранении фильмов о Василии Дмитриевиче Фёдорове.

Надобно найти это «Обращение», и поиск считать законченным.

В областной научной библиотеки им. В.Д. Фёдорова по сусекам поскребли и нашли в газете «Земляки» не только само «Обращение», но и текст послания Василию Дмитриевичу Фёдорову «Праздник, который всегда с нами».

 Когда ты
 В Марьевке живешь,
 Облизывая грядки,
 Мне кажется,
 Что мир хорош
 И в мире
 Все в порядке.
 Когда гора
 Горит в заре,
 А горады рисуют дышит —
 На той Назаринской горе
 Мы в правде
 Мать любимое,
 Здесь тычина среди лопухов
 И запаха хмеля,
 Высоким криком петухов
 Примеряется
 Так хорошо.
 Когда же
 Солнце на закат,
 Вздыхай допотопно,
 Пылает молочный комбинат —
 Рогатый
 И сползлый.
 И рад я,
 Что тебя привез
 К маме парничко-ленкой:
 Первичных дел,
 Первичных слез
 И радости первичных.

Звездная память

Не люблю,
 Что такое со мной?
 Мои грусть,
 Моя боль безутешен.
 Я какой-то иной,
 Хотю земной,
 Но чужой
 И почти что нездешний.

Не люблю
 Вашим жестом и слог,
 Когда разук
 Скоблет, потрясенный,
 Я от звезд,
 Я от казньки миров
 Чужеземной пылкой
 Занесенный...

Не люблю,
 Почему в такой,
 Полевой,
 Безветренно-попрусный,
 Часто мухавец
 Смертной тоской,
 Весь измятый
 Памятью звездной.

Не знаю тебя,
 Мрачной фанат,
 Боль в груди
 Мне давно надежна,
 Может, это же грусть,
 А сигнал
 О негодках
 В земной камильбел?

1982

И опять на нашей земле состоялся праздник, посвященный поэту Василию ФЕДОРОВУ (1918 — 1984 гг.). Через полгода после его смерти был открыт музей, через год — заложена традиция Федоровских чтений. Тамара МАХАЛОВА побывала в Марьевке и делится своими впечатлениями в своеобразной форме.

Праздник, который всегда с нами

Поэту Василию ФЕДОРОВУ

Уважаемый Василий Дмитриевич!
 Хочу рассказать вам о празднике, посвященном вам, русской поэзии, Родине. С 1985 года ему предшествует Федоровское чтение по всему Кузбассу: лекции, встречи, конференции... Соответственно праздник начинался в Кемерово и широко продолжался в Марьевке.

Ваше рождение в Кемерово и жизненное, поэтическое становление в Марьевке. Уже тогда первый, многотысячный, праздник, на который съехались гости со всего Союза, стал поистине народным. Собрания, слушая ваши пророческие стихи, чувствовали себя единым народом, поднимались в духе своем, расли в себе жизненную радость и веру. Все эти годы, несмотря ни на что, традиции подерживались. Желанием людей и волей власти. Теперь вот продолжилось в новом, третьем тысячелетии.

Раннее августовским утром кемеровчане выехали в Марьевку. Мои соседом по автобусу был П. М. Дорощев. Вы уже знаете, Василий Дмитриевич, он может прочесть все ваши стихи наизусть. Был также организатором многих мероприятий, связанных с вашим именем. Но главное, конечно, спас вас тогда, когда серьезная болезнь и неверный диагноз чуть не погубил вас. Петр Михайлович читал ваши стихи, вспоминал и Ларису Федоровну, почти сорок лет окружавшую вас любовью своей и заботой. Едем приватной дорогой. Та же поля, перелески... Мостик через Яу. Она здесь неширокая и тихая, вся в кукушках. Грустно: ведь без вас, без Ларисы Федоровны, вы оба уже ушли в мир иной. Но и светло на душе — день будет наполнен поэзией, любовью к Отечеству, открытостью.

Вот уже вода, последняя верста... ваша любимая грибная березовая рощица на окраине Марьевки вся просвечена солнечными лучами. У аллейки встречают гостей хозяева праздника — ваша сестра Мария Васильевна, марьевцы, районные власти. Дом на Назаринской горе гостеприимно распахнул двери. Но... из горьком аромате трав на самом был горячий воздух... Не звучит уже в доме голос Ларисы Федоровны, успевавшей, как вы знаете, и позаботиться о неожиданных гостях, и на ходу записать вашу мысль, строчку, молитву. «Вася, это интересно».

На столе — полный порядок, музейный. Уже не прочтешь набросок стиха на газете, но по-прежнему на стене висит платиновый струмент. Хотя певичка не полихает огнем, но слышится ваш расказ о вешнике, родителеской иби на Подгоринке, о крестьянском труде. Вижу, как вы левой рукой гладите кедровую обивку стен, и слышу ваш голос: «Как дощечки эти меняют цвет. Сначала были золотисто-светлыми, а год от года становятся все колоритнее, гуще краснее». Да, Василий Дмитриевич, сейчас эти кедровые дощечки потемнели, постарели. И в них больше грусти, чем радости.

На кухне подошла к окну, и вспомнилась строчка Ларисы Федоровны: «На някрящих наш подорожник часто голыду доинке кладет... А потом и к крыльцу подобрался и стает... не решаешь войти... Ты прыжком, мой доиник, пожайлуста, ты цыветок или странник в тут!» Выходишь на это крыльцо, вечерами при закате вы любими сидеть на его ступеньках.

Дерева у дома, Василий Дмитриевич, разрослись. Особенно березы, посаженные вами вместе с сестрой. Подожгу и к дубкам — потомкам дуба, посаженного Петром I в Петербурге. И видится, как мы втроем стоим около

них, тогда младенцев. И вы говорите: «... Назаркина гора в нутре своем негронутая глиняная глыба-монolit, деревьям на ней, особенно там, как дуб... — коренного кидет глубоко в землю, расти трудно». Мне подумалось: вот так же трудно сейчас вырасти в традиции «сваденца русской культуры».

А вот и караганги, когда-то, в 80-м, на приземках телефильма «Здесь отчий дом» вы сидели на лавочке между ними и, забыв о телеоператорах, беспрестанно рассказывали о своих родовых корнях, работе авиаконструктором, сходстве поэзии с самолетостроением, о многом-многом другом.

70-80-е годы. Какое могучий всплеск народного интереса к русской культуре. Сейчас другие времена. Народу живется и сложно, и трудно. Да и разделен он. И у власти, Василий Дмитриевич, много чисто экономических проблем. До культуры ли? Но без этого родника народной мудрости и нравственного здоровья не возродится страна.

«... А вот и народ потянулся к вашему родичу у Кайдыра — испить прохладной родничка, отрешиться от суетного и наносного... В зале марковского клуба, как всегда, встречает входящих портрет работы Г. Захарова. Посуровел на нем ваш взгляд. Речные стили складки на лице. Сшил зоран, заурчан ваш голос: того, в Кемеровской филармонии, выступления, когда присудили вам Государственный премия СССР. Как страстно, точно и убедительно вы тогда говорите!»

На сцену поднимается настоятель православного храма отец Максим. Он говорит, что истинная поэзия — это трепет сердца, обращение к человеческой душе, что человек прекрасен, несмотря на то, что не всегда мы видим его таковым, что поэзия Федорова — от Бога, что «в его стихах — жертвенная любовь. Отчужден, само веру в человека и в красоту мира он обрел даже в те, богоборческие, годы».

Пространство устакан христианского священника ваше стихотворение «Вспоминать детство...» и, особенно строчки «если я убежден, нерушим мой убеждения, потому что и жизнь свое ставил на них, проликала в души присутствующих».

Зачитывает отец Максим и Приветственное Послание епископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония, в котором, в частности, справедливо говорилось, что ваше «поэтическое творчество украсило страниц классической русской поэзии», что «спуск его от Бога дар видеть красоту мира коснется и нас с вами».

Затем выступили читали ваши и свои стихи. Особенно интересны мне были выступления не профессиональных поэтов, а ваших, Василий Дмитриевич, земляков. С волнением, но и достоинством выходишь они к микрофону, читали свои стихи. Нет, не осуждаю талантами Земля Русская! Только вот той, общегосударственной, заботе о них, что была в советское время, теперь нет. С публикациями трудно. Хотя на местах по мере возможностей и стараются помочь, как, например, наш губернатор. И похожи эти юные таланты на те ростки, которым придется пробиваться сквозь асфальт, а не расти на благодатной почве.

Грустно мне было, Василий Дмитриевич, от этих размышлений. Но и нечуждо радостно от того, что традиция поэтического праздника, подобного празднику на родине Пушкина, Тютчева, Евсеева, Шухмина... хотя и неширокой рекой, а nevertheless ручейком, продолжает течь. Гелветис и надежда на лучшие времена и для народа, и для поэтов, и для русской культуры.

И еще, Василий Дмитриевич, мне подумалось: зачем же это все я вам рассказываю? Ведь вы и сами все это знаете, видите, недаром писали: «Хочу оставить на Земле глаза, чтобы на них смотрели в вечном».

С почтением и поклонком к вам от себя и моих соотечественников

Тамара МАХАЛОВА

Обращение

Поговори с поэтом, хочи обрати к тебе, от кого во многом зависит культура в Кузбассе — руководителем департамента культуры. Низкий поклон и вам за постоянную поддержку и за традицию проведения марьевских праздников. Благодарю за внимание и показавшие марьевской культуре фрагмент телефильма с участием В. Д. Федорова в Кемерово и в филармонии в момент чествования его в Кузбассе как великого русского поэта, лауреата Государственных премий Союза и России.

Техническое качество стихов таково, что она могла бы и сейчас будет невосполним. Дело в том, что Василий Дмитриевич в Москве не соглашался ни на какие съемки. Впервые удавалось увидеть кемеровчанам. И вот уже два десятилетия новые поколения читают живого Поэта, слышат его голос. Не знаю, совпало ли с этим телеинтервью литературоведа Ю. П. Федоровым от 1984 года, но там была и запись в «Водоскопье». И это все. Еще десяток лет назад и неоднократно говорился в Кемерово, и в Яе, и в Марьевке о восстановлении имени на кинофестивале, однако не было ни одного финансов.

Оригинал кемеровского телефильма 1980 года (Здесь отчий дом) на Кемеровской телестудии сгорел в результате пожара. Осталась лишь марьевская копия. (Слава Богу, успели сделать.) Но она требует срочного, немедленного восстановления.

Тревожусь этим не потому, что была автором сценария и ведущей, но только потому, что Кузбасс, Россия, наша культура могут навсегда утратить (невосполнимые!) киноадапс с поэтом, изучив по ролям, Кузбасской земле, размышляющей о своей Родине. Прошу! Помогите не допустить этой утраты. С глубоким уважением к вам и надеждой Тамара МАХАЛОВА

Ни в благодущии лесинном,
 Ни в блесе славы,
 Ни в тени —
 Поэт не может быть
 счастливым
 В тревожном для мир дни.
 Барз пророческую лиру,
 Одно он помнит
 Из всего,
 Что все несовершенство
 мира
 Лежит на совести его.

Статья Тамары Махаловой и Обращение в газете «Земляки» №36 от 31 августа 2001 года.

Уважаемый Василий Дмитриевич!

Хочу рассказать вам о празднике, посвященном вам, русской поэзии, Родине. С 1985 года ему предшествовали Фёдоровские чтения по всему Кузбассу: лекции, встречи, конференции... Собственно праздник начинался в Кемерове и широко продолжался в Марьевке. Так как бы отмечали ваше рождение в Кемерове и жизненное, поэтическое становление в Марьевке. Уже тогда первый, многотысячный праздник, на который съехались гости со всего Союза, стал поистине народным. Собравшиеся, слушая ваши пророческие стихи, чувствовали себя единым народом, поднимались в духе своём, растили в себе жизненную радость и веру. Все эти годы, несмотря ни на что, традиция поддерживалась. Желанием людей и волей властей. Теперь вот продолжилось в новое, третье тысячелетие.

Ранним августовским утром кемеровчане выехали в Марьевку. Моим соседом по автобусу был Пётр Михайлович Дорофеев. Вы уже знаете, Василий Дмитриевич, он может прочесть все ваши стихи наизусть, был также организатором многих мероприятий, связанных с вашим именем. Но, главное, конечно, спас вас тогда, когда серьёзная болезнь и неверный диагноз чуть не погубили вас. Петр Михайлович читал ваши стихи, вспоминали и Ларису Фёдоровну, почти сорок лет окружавшую вас любовью своей и заботой.

Едем привычной дорогой. Те же поля, перелески... Мостик через Яю. Она здесь неширокая и тихая, вся в кувшинках. Грустно: едем без вас, без Ларисы Фёдоровны, вы оба уже ушли в мир иной. Но и светло на душе – день будет наполнен поэзией, любовью к Отечеству, окрыленностью.

Вот уже «одна, последняя верста»... ваша любимая грибная берёзовая рощица на окраине Марьевки вся просвечена солнечными лучами. У калитки встречают гостей хозяева праздника – ваша сестра Мария Васильевна, марьевцы, районные власти. Дом на Назаркиной горе гостеприимно распахнул двери.

Но... «на горьком аромате трав настоян был горячий воздух».

Не звучит уже в доме голос Ларисы Фёдоровны, успевавшей, как вы знаете, и позаботиться о неожиданных гостях, и на ходу записать вашу мысль, строчку, молвив: «Вася, это интересно».

На столе – полный порядок, музейный. Уже не прочтёшь набросок стиха на газете, но по-прежнему на стене висит плотницкий инструмент. Хотя печечка не полыхает огнём, но слышится ваш рассказ о печнике, родительской избе на Подгоринке, о крестьянском труде. Вижу, как вы левой рукой гладите кедровую обивку стен, и слышу ваш голос: «Как дощечки эти меняют цвет. Сначала были золотисто-светлыми, а год от года становятся всё колоритнее, гуще краски». Да, Василий Дмитриевич, сейчас эти кедровые дощечки потемнели, постарели. И в них больше грусти, чем радости.

На кухоньке подошла к окну, и вспомнились строчки Ларисы Фёдоровны: «На некрашенный наш подоконник часто голову донник кладёт... А потом и к крыльцу подобрался и стоит, не решаясь войти... Ты признайся, мой донник, пожалуйста, ты цветок или странник в пути?» Выходим на это крылечко, вечерами при закате вы любили сидеть на его ступеньках.

Дерева у дома, Василий Дмитриевич, разрослись. Особенно берёзы, посаженные вами вместе с сестрой. А вот и карагачи, когда-то, в 80-м, при съемках телефильма «Здесь отчий дом» вы сидели на лавочке между ними и, забыв о телеоператоре, так интересно рассказывали о своих родовых корнях, работе авиаконструктором, сходстве поэзии с самолетостроением, о многом-многом другом.

70-80-е годы. Какой могучий всплеск народного интереса к русской культуре. Сейчас другие времена. Народу живётся и сложно, и трудно. Да и разделён он. И у властей, Василий Дмитриевич, много чисто экономических проблем. До культуры ли? Но без этого родника народной мудрости и нравственного здоровья не возродится стране.

А вот и народ потянулся к вашему родничку у Кайдора – испить прохладной водицы, отрешиться от суетного и наносного... В зале марьевского клуба, как всегда, встречает входящих портрет работы Германа Захарова. Посуровел на нём ваш взгляд.

Резче стали складки на лице. Ожил экран, зазвучал ваш голос с того, в Кемеровской филармонии, выступления, когда присудили вам Государственную премию СССР. Как страстно, точно и убеждённо вы тогда говорили.

На сцену поднимается настоятель православного храма отец Максим. Он говорит, что истинная поэзия – это трепет сердца, обращённый к человеческой душе, что человек прекрасен, несмотря на то, что не всегда мы видим его таковым, что поэзия Федорова – от Бога.

Прочтенное устами христианского священника ваше стихотворение «Вспоминается детство...», и особенно строчки «если я убеждён, нерушимы мои убеждения, потому что я жизнь свою ставил на них», проникали в души присутствующих.

Затем выступавшие читали ваши и свои стихи. Особенно интересны мне были выступления не профессиональных поэтов, а ваших, Василий Дмитриевич, земляков. С волнением, но и достоинством выходили они к микрофону, читали свои стихи. Нет, не оскудела талантами Земля Русская! Только вот той, общегосударственной, заботы о них, что была в советское время, теперь нет. С публикациями трудно. Хотя на местах по мере возможностей и стараются помочь, как, например, наш губернатор. И похожи эти юные таланты, на те ростки, которым придётся пробиваться сквозь асфальт, а не расти на благодатной почве.

Грустно мне было, Василий Дмитриевич, от этих размышлений. Но и немного радостно от того, что традиция поэтического праздника, подобного праздникам на родине Пушкина, Тютчева, Есенина, Шукшина... хотя и неширокой рекой, а небольшим ручейком, продолжается. Теплится и надежда на лучшие времена и для народа, и для поэтов, и для русской культуры.

И ещё, Василий Дмитриевич, мне подумалось: зачем же это всё я вам рассказываю? Ведь вы и сами всё это знаете, видите, недаром писали: «Хочу оставить на Земле глаза, чтобы на мир смотрели вечно».

С почтением и поклоном к вам от себя и моих соотечественников
Тамара Махалова

ОБРАЩЕНИЕ

Поговорив с поэтом, хочу обратиться к тем, от кого во многом зависит культура в Кузбассе, – руководителям департамента культуры. Низкий поклон вам за постоянную поддержку её и за традицию проведения народных праздников. Организаторы нынешнего показа в марьевском клубе фрагмента телефильма с выступлением В.Д. Федорова в Кемеровской филармонии в момент чествования его в Кузбассе как великого русского поэта, лауреата Государственных премий Союза и России.

Техническое качество пленки таково, что она вот-вот осыплется. Это будет невозможным. Дело в том, что Василий Дмитриевич в Москве не соглашался ни на какие съёмки. Впервые удалось его уговорить кемеровчанам. И вот уже два десятилетия новые поколения могут видеть живого Поэта, слышать его голос. Не знаю, сохранилось ли еще телеинтервью литературоведа Ю.Л. Прокушева с В.Д. Федоровым от 1984 года, но там беседа у камина в Подмоскowie. И это всё.

Еще десяток лет назад я неоднократно говорила и в Кемерове, и в Яе, и в Марьевке о необходимости восстановления плёнки на кинофабрике, однако не находилось финансов. Оригинал кемеровского телефильма 1980 года («Здесь отчий дом») на Кемеровской телестудии сгорел в прямом смысле. Осталась лишь марьевская копия. (Слава Богу, успели сделать.) Но она требует срочного, немедленного восстановления. Тревожусь этим не потому, что была автором сценария и ведущей, но только потому, что Кузбасс, Россия, наша культура могут навсегда утратить бесценные (невозможные!) кинокадры с поэтом, идущим по родной, Кузбасской, земле размышляющим о своей Родине и народе.

Прошу! Помогите не допустить этой утраты. С глубоким уважением к вам и надеждой.

Тамара Махалова

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

*«Сознание того, что чудесное было рядом с нами,
часто приходит слишком поздно».*

А. Блок. «Из записных книжек»

Писатель Константин Симонов в 1978 году писал:

«Мы не спросили ни Рокоссовского, ни Конева, где и как они начинали войну и где и как заканчивали: не спросили о масштабе контрастов между тем и другим, хотя их ответы, на такого рода вопросы, могли представить значительный исторический интерес. В итоге мы обворовали историю, во всяком случае, ту немаловажную визуально-документальную часть её, которая называется кинолетописью. Обворовали из-за узости собственного взгляда на задачи кинолетописи, из-за своего недостаточно масштабного исторического мышления...

Пройдя мимо чего-то важного для истории в архивных папках, можно потом опомниться и вернуться к ним. Пройдя мимо чего-то исторически важного в жизни человека, поправить это потом или трудно, или невозможно – люди уходят из жизни, и их уже не переспросишь!

Да, уже не задашь новых вопросов о войне, о пережитом и пережитом на ней ни Жукову, ни Коневу, ни Рокоссовскому, уже не услышишь их ответов на эти вопросы, которые в своё время мы могли бы услышать. Вполне могли бы! Пишу для того, чтобы вместе со всеми работниками в этой области учесть упущения, сделанные в прошлом, и трезво подумать о настоящем и будущем, о том, с каким размахом и с каким чувством историзма следует делать такого рода работу сейчас».

Уж сколько раз твердили миру, что век человека не безграничен. Но всегда повторяется: что имеем – не храним, потерявши – плачем. В связи с этим обратил внимание на запись, которая была сделана Тamarой Ивановной Махаловой в гостевой книге Марьевского литературно-мемориального музея поэта В.Д. Фёдорова:

Уважаемый Василий Дмитриевич, милая Лариса Фёдоровна!

Вот уже в 20-ый раз проходит праздник «Фёдоровские чтения». И вновь мы приехали в Марьевку, в Ваш домик на Назаркиной горе.

Грустно – Вас нет здесь. Вы только в духе с нами, а так бы хотелось увидеться. Праздник этот нынешний передвинулся на сентябрь – широко праздновало Кемерово ныне День шахтёра.

Василий Дмитриевич, Лариса Фёдоровна, я грустила, вспоминала наши встречи в Кемерово, Москве, в Марьевке, поездку на юг Кузбасса. Вспоминала телевизионные встречи – передачи с Вами: Вы – гости, я – ведущая ТВ передачи. Василий Дмитриевич, Вспоминаю ТВ передачу, когда «Баба Яга» трижды срывала поездку и трижды прерывала передачу. И затем ещё провокация в аэропорту. Вспоминала московские встречи, наши с Ларисой Фёдоровной ночные разговоры и стихи...

Грущу, что первый фильм с Вами, Василий Дмитриевич, постигла такая судьба при съёмках и после, но хорошо, что что-то успели скопировать. Последующие фильмы о Вас забыты. А ТВ-передачи с Вами, Ларисой Фёдоровной, как всегда, жаль.

Василий Дмитриевич, спасибо, что Вы (из тонкого мира) подсказали название посмертного Вашего издания: «СУДЬБА МНЕ ПОДАРИЛА РУСЬ». Да и мне самой, славянской тоже душе оно нравится. Продолжаю ставить Ваши стихи в те книги, которые иногда делаю. В последнее издание (в сентябре 2005 года будет его презентация) – двухтомник Управления ФСБ России по Кемеровской области – поставила «О, Русь моя...», «По главной сути...», «Сердца», «Не удивляйся, что умрёшь...».

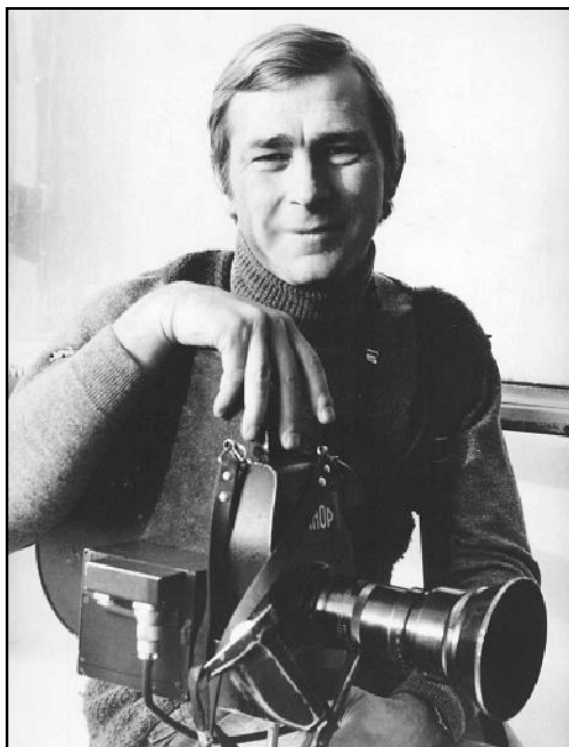
Всё полнее понимаю Ваши классические «СНЫ ПОЭТА» – по тонкому плану, сожалею, что не успели по-настоящему говорить на эту тему. Жизнь всё глубже способствует проникновению в Вашу прозу. Сегодня на утренней заре вспомнилась Ваша «Чёрная прядка букета»: в стране-то плохо, много русских убивают, потому душа скорбит. Хотя губернатор Тулеев старается помощью духовной и финансовой подбодрить, поддержать кузбассовцев.

Миленьякая Лариса Фёдоровна. Я так скучаю по нашим с Вами ночным беседам. Василий Дмитриевич, а карагачи на усадьбе за 25 лет выросли. Помните, как Вы сидели на скамейке меж ними, я – на земле перед Вами, а оператор Сергей Мякишев – за мною. И подошёл пёсик, и слушал Вас и т.д.

Всё вспоминается Вы это мне.

11 сентября 2005 года. Тамара Махалова

Мне вдвойне было приятно читать строчки с упоминанием кинооператора Сергея Мякишева. Это он снимал фильм «Здесь отчий дом», кадры из которого я использовал в фильме «Я душу распахну – входи...» Если бы фильм сгорел при пожаре, тогда откуда бы я брал кадры для монтажа?

Кинооператор Сергей Мякишев

Представил себе, что через многие годы наш сегодняшний день, запечатлённый километрами видео и киноплёнки, снова оживёт на экране. И притихнет погружённый в темноту зрительный зал, где будут наши дети. Киноленты памяти помогут им лучше узнать прошлое, понять настоящее и увидеть горизонты будущего.

Между прочим, латинское слово «document» дословно переводится как «поучительный пример», а «автор» – как «виновник».

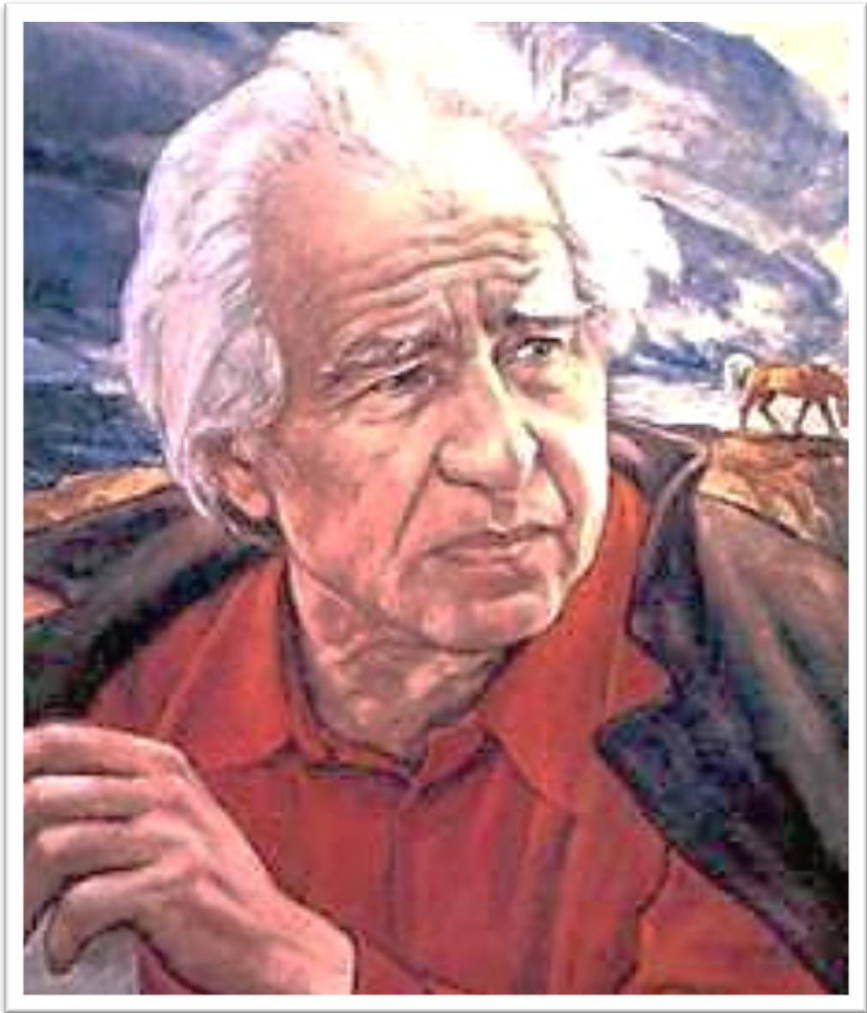
Век человеческий не бесконечен. Надо записывать, снимать людей, творивших историю. Потомки скажут нам спасибо, если мы оставим живое свидетельство наших неповторимых дней. На самом деле думаю, что скажут иное: «Как вы умудрились не сохранить даже то, снятое, неповторимое, чему цены нет?»

Пройдут годы. Изобретут новые способы фиксации и воспроизведения действительности. Исчезнут рамки, появится объём. Изображение можно будет рассматривать со всех сторон: это не фантастика, это уже реальность. Тем ценнее будут кадры кинохроники. Потомки будут изучать наше время не по разбитым черепкам, а по кадрам хроники, которые, мы, можем быть, сбережём для них.

Мы мало снимаем для истории. Всё откладываем на потом. Много ли у нас кинопортретов выдающихся людей Кузбасса? Выберите любое имя, и окажется, что документальных кинокадров о нём нет, или ничтожно мало.

В кинооператорском деле есть такой термин «уходящая натура». Век человеческий не бесконечен. Поэтому надо сегодня, сейчас снимать людей, творивших историю. Это долг кинодокументалиста. Как сделать, чтобы эти призывы не остались без внимания? Не знаю...

16 июля 2017 года
г. Кемерово

Поэт Василий Фёдоров.
Художник Герман Захаров

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ

*Нам не дано предугадать,
Нам не дано предугадать
Как слово наше отзовётся,
И нам сочувствие даётся,
Как нам дается благодать...*
Ф.И. Тютчев

Когда я только почувствовал, что над программой «Шаг за горизонт» навис меч закрытия, решил, чтобы не «дразнить гусей» аномальными явлениями, встать на проторённую тропу обычных передач. В прямой эфир приглашать писателей, поэтов, художников, композиторов и других творческих работников. Тут не надо никаких съёмок, которые раньше часто были под угрозой срыва. Мне говорили, есть более важные передачи, чем твой «Шаг», да и прямым текстом заявляли о закрытии её. Например, встречает меня в коридоре студии директор и говорит:

- Юрий Яковлевич, нам с тобой надо расстаться.

- Вот те раз! В каком смысле?

- Мне сказали, что вы руководите какой-то сектой. Напишите объяснение.

Что я не верблюд? Пришлось написать объяснительную записку такого содержания:

«Не был, не состоял, не привлекался – что касается любой выдумки в мой адрес. Профессия кинооператора позволила мне наблюдать со стороны всякие явления, но не учувствовать в них. Доказывать, что я не верблюд не собираюсь, вплоть до увольнения по Вашему желанию».

После пятой, или шестой передачи «Как слово наше отзовётся...» произошло непредвиденное...

Об этом чуть позже, после того как расшифрую и познакомлю вас с несколькими передачами цикла «Как слово наше отзовётся...»

ПОЭТ БОРИС БУРМИСТРОВ

Титр: «Как слово наше отзовется...»

Студия. В кадре ведущий.

- Здравствуйте, дорогие друзья! Сначала я должен объяснить своё появление на канале СТС с новой передачей. Так уж случилось, что помимо передач "Шаг за горизонт" и "Семейный альбом" мне предложили вести по понедельникам вот эту программу. Я уже заранее знал, о чём эта будет программа. Я полагаю, что нашему зрителю не хватает канала культуры, где бы звучали стихи. Я думаю, что эта программа, будет отражать жизнь актёров, писателей, поэтов. И сегодня эту первую страницу открывает поэт Борис Бурмистров. Начнём сразу со стихов. Начинай!

Что в мир подлунный мы несём,
Любовь ли к ближним,
Божью ль милость?
Такая временность во всём,
И одуванчиков пугливость.
Стыдливость осени. Всё здесь,
Всё до последнего предела.
И здесь впервые «Даждь нам днесь»
Душа счастливая пропела.
Здесь лёгкий шелест ветерка
С холмов бледнеющих стекает.
И всё таинственно пока,
Пока душа того желает.
Шагну и выйду за порог –
Там, где простор всё шире, шире –
Земля рассветная и... Бог!
И всё сначала в этом мире.

- Как говорится, вначале было Слово. Мы сегодня, дай бог, положим, начало словам.

- **Вначале мысль была, а потом уже слово. Борис, какие программы ты смотришь? Ничего что я на «ты», мы давно знаем друг друга?**

- Хорошо, так и будем. Я программы избирательно смотрю, потому что сегодня очень сильная психологическая нагрузка телевидения, особенно на людей восприимчивых, таких как писатели, восприимчивых к бедам, болезням, особенно когда речь идёт об обездоленных детях. Поэтому я стараюсь смотреть программы для размышления, философского направления. Хотя их очень мало у нас.

Конечно, смотрю информационные программы, потому что нельзя жить в вакууме, надо знать, что творится в мире. К сожалению, ячейка «Культура», у нас не заполнена. У нас в Кузбассе почему нет канала «Культура», хотя во всём сибирском регионе она есть. У нас была пресс-конференция, посвящённая нашему юбилею. И там журналисты дотошные задавали такие же вопросы. Как можно сегодня в век коммерции, других ценностей нести литературу, творчество людям. У меня был ответ один на этот вопрос, что нам просто нужно информационное пространство. Дайте нам поле, а мы его заполним, потому что, некоторые говорят: «А что, у вас есть писатели в Кузбассе?»

А у нас очень много имён, мы бы с вами полчаса бы перечисляли только имена. Виктор Петрович Астафьев очень высоко ценил нашу кузбасскую поэзию. Когда он делал «Час России», антологию, он 17 поэтов Кузбасса взял туда. Когда вышла антология к 200-летию Пушкина «Три века русской поэзии», у нас там 11 авторов вошло. Ни одна область столько не представила. А слово наше не должно таиться только в книгах, оно должно быть живым, звучать, идти к людям.

- Читаем стихи!

- Хотелось ближе к душе. О том, что меня волнует на сегодня. Россия, Русь наша – это больная тема.

Это дерево вечно растёт,
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течёт
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь,
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла Любовь,
И коснулась дыханием слуха.
О, далёкие предки мои,
Россияне – сыны вольнодумства!
В моём сердце доныне горит
Ваш огонь доброты и безумства.
Я – листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.
Горе сгинет, и смута пройдёт,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядёт,
Русь, Россия – судьба и опора.

Может быть, вы заметили, что в двух стихотворениях звучит слово Бог, Вера. Мне кажется, что русская литература, она живёт на традициях. Без православия, без веры я не признаю литературы.

- Борис, обычно поэты начинают писать свои стихи в раннем детстве. А я знаю, что ты начинал писать где-то далеко за тридцать. Немного расскажи о себе.

- Начинал писать я раньше, ещё в школьные годы. Я очень любил поэзию, зачитывался Есениным. Тяга подспудно чувствовалась. Были стихи, были песни бардовские. Я много писал, на гитаре играл на Севере, на Колыме. А рядом работа, текучка, семья, быт. Я вернулся к поэзии действительно, когда мне было за тридцать лет. Ляхов говорит, что я вошёл в литературу сразу, быстро. Да, это так, но был у меня запас внутренний, душевный.

- А что на Колыме делал?

- Золото мыл в старательской артели. Романтика привела меня туда.

Но я не жалею, потому что, да, есть талантливые мальчики, но всё-таки мужи должны приходить в литературу, повидавшие жизнь. Скажут слово «боль», и мы ничего не почувствуем, но надо сказать так слово «боль», чтобы стало понятно что ты её испытал сам.

- А сохранилось какие-нибудь стихотворения той поры?

- Вот совсем юное. Мне лет двадцать было.

На поленьях, сырых и смолистых
Пляшет пламя. Осенний дождь
Обивая последние листья
Нагоняет тоску и дрожь.
У костра мы сидим согнувшись
Крепкий чай, обжигаясь, пьём.
Отогреем озябшие души.
И отсюда надолго уйдём.
Лишь осенний и ласковый шорох
На прощанье и шёпот тайги.
На туманных, на утренних шторах
Мы автографы ставим свои.

Это был конец сезона, уезжаешь в отпуск с Колымы, такое вот настроение.

- А как пишутся стихи? Все задают такой вопрос. У Маяковского ест целая статья о том, как пишутся стихи.

- Бывает очень тяжело, бывает годами. Родилось четыре строчки, строфа, она лежит долго и ждёт своего часа. А иногда мгновенно. Однажды я проснулся вот с такими строчками.

Пройдёт печаль, исчезнет грусть
И ночь, как сон, истаёт.
Любовью к ближним истончусь –
Душа любовью станет.

- Красиво! Ещё-ещё-ещё!

- Давайте тогда про любовь.

- **Какая поэзия без любви?**

Проснусь внезапно среди ночи
И сон тревожный оборву
И хорошо, а то пророчит
Он мне разлуку поутру.
Раскрою окна, свет хрустящий
Скользнёт чуть слышно по стене,
И я пойму – я настоящий,
А ты – пришедшая во сне.
А ты, пришедшая Оттуда,
Обронишь тихо: «Мне пора»...
Я плед накину, сон забуду.
И сам забудусь до утра.
А утром что-то вспоминая,
Вдруг осенит меня вопрос:
Откуда брошка золотая
И золотая нить волос?
Ведь мне казалось – всё
Бесследно
Исчезло, кануло в ночи...
Кричу, но эхо безответно,
Молчу, в ответ: «Молчи, молчи».

- Вот такая как бы виртуальная реальность.

- **Зрители тоже могут задавать Борису Бурмистрову свои вопросы на любую тему. Один из вопросов: «Вы женаты? Есть ли у вас дети? Дети тоже пишут стихи?»**

- Да, я конечно же женат. Мне не очень везло в первой половине жизни. Хотя я не люблю об этом говорить. У меня есть старший сын, он в Самаре живёт, работает стоматологом. А здесь у меня семья. У меня сын, 11 лет. Я всегда говорю в таких случаях, что жена – прицепочка на этом свете, а сын – зацепочка. Этот маленький держит меня на земле, я зацепился за него. У меня даже есть триптих, посвящённый сыну. Одно стихотворение прочту.

На дворе такое время –
Холодно и ветрено.
Что ж ты, маковое семя,
Прорастаешь медленно?
Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко,
Вырастай, сынок, скорее –
Маковое зернышко!
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый,
От ветров тебя укрою,
Стебелёк мой маковый.
Вырастай, пока я в силе,
И не гнёт усталость,
Вырастай, сынок мой милый,
Матушке на радость!

Стихи он не пишет, но есть склонность к рисованию. Но интересно его образное мышление, это дороже всего.

- Давай о детях поговорим. Наши дети находятся в очень сложной ситуации. Мы с тобой даже не попадали в такую информационную грязь.

- Большая проблема. В своё время я даже как-то выступал в газете «Кузбасс», статья так и называлась «В России нет чужих детей». Всё существование народа, нации – в детях. Если мы не поймём что дети, которые по улицам бегают – это наши родные дети, а не какой-то там матери-алкашки.

Если мы будем к ним относиться, как к своим детям, тогда только и будущее у нас может быть. В последние два года нас с радостью встречают в школах. Честно можно сказать, что мы два поколения потеряли, тех, кто ушёл в коммерцию, в ларьки и т.д. Сегодняшнее поколение 12-16 – летних уже жаждут иного. Им надоела чернота.

- А поэзия всё-таки чистит душу, как фильтр.

- Да. Святитель Иоанн Сан-Францисский о поэзии говорил так, что поэзия – это помощница молитвы. Стихи должны звучать. Даже, может быть, наша передача не будет поднимать каких-то больших проблем, но будут звучать стихи с экрана – это будет прекрасно, потому что стихи воздействуют на тонкий мир человека. Хотим мы этого, или нет – они достают нас, своей мелодией, своей музыкой... Они поднимают, возвышают человека над повседневностью.

- Давай стихи.

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк,
И память, как платье, истлела.
Сказала: «Вернись, подожди,
Куплю только в булочной хлеба», –
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.
Остался лишь в памяти лик,
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падёт дождевая.

- А вот ещё сразу стихотворение. У нас есть прекрасный поэт Виталий Крёков. Кроме того, что он зарабатывает на хлеб, кладёт печи и камины. Он и на моём огороде (дачей не назовёшь) сложил печку, которая загудела и хорошо топится. И у меня есть цикл стихов о печке этой. Тоже о любви, но о другой.

Я печку затоплю.
Всё холоднее ночи,
Я ночи не люблю –
Я одинок в них очень.
Лучину запалю,
Своей укроюсь тенью,
Я утро не люблю –
В нём горькое прозреньё.

И днем я нелюдим.
В душе моей нет лада —
Любимая с другим, —
А мне другой не надо.

- Я как-то в журнале «Огонёк» прочитал письма Астафьева. Много тем он поднимает и вот одна из них. Он побывал в женской колонии, и те, кто там сидел, говорили, что им в лагере лучше, чем на воле. Если рассуждать дальше, то можно и ГУЛАГ вернуть.

- Ощущение такое, что мы сейчас за решёткой, а бандиты на свободе гуляют.

- А вот о слове, что говорит Астафьев:

«Обман с помощью слова. Как в церкви, превратив её в театр блудными словами сотни лет обманывают, это называют утешением мирян. Так и мы на бумаге творим грех, изображая и навязывая людям своё представление, в большинстве своём убогое, о таких сложных материях, как жизнь, душа, мир, бог, бесконечность, любовь, смерть. Но люди читают, и всё ещё верят лукавому слову».

- Я думаю, что Виктор Петрович имел в виду слово другое, не поэзию, не высокое слово. Я знаю его самого, мы встречались дважды, пока он был жив, царство ему небесное. Он был один из первых, кто церковь открывал в Овсянке. Это о словоблудах. Есть словоблудие, такая словесная жвачка. Многие чиновники пользуются штампами.

А как выглядит политик, который говорит образно, красиво, у него запас слов прекрасный! А для этого нужна культура. Может, я прочту одно стихотворение, немножечко остренькое. Недавно написал стихотворение о том, как время меняет людей. Называется «Старому знакомому».

Он меня совсем не узнаёт,
А твердит, что знает – явно врёт.
Говорит, что помнит, ей-ей-ей...
А глаза всё уже, глазки злей.

Не обманет этот лживый взгляд,
Что ни слово, что ни буква – яд.
Развалился надвое язык.
Жало вижу и змеиный лик.
Ухожу, душа мне так велит,
Он мне вслед уже без слов шипит...

- Вопросы от зрителя. Какая ваша самая заветная мечта?

- Лично для себя мечты нет. Я наполнен любовью к ближнему, к окружающим. Заветная мечта – чтоб в любви все жили. Чтобы не было страданий, особенно детских страданий.

- Тогда как живётся тебе как председателю правления Союза писателей Кузбасса?

- То, что мы сегодня делаем, дай бог, продолжалось, чтобы писатель выходил к слушателям.

- Тут вопрос от зрителя: «Будет ли продолжение передачи?»

- Обязательно будет... И чтобы была поддержка от государства писателям, не только спонсорская. Потому что всё, что мы делаем, оразится потом, в будущем.

- А что вы делаете?

- Делаю достаточно. Уже три-четыре раза в год «Огни Кузбасса», делаем для юношества специально вот такие книжки «Пять стихов о любви», о любви высокой, возвышенной, тютчевского плана. Я уже сегодня разговор заводил, есть у нас такая региональная община «Россия православная», мы очень тесно работаем, сотрудничаем с Епархией. Сегодня собрали книгу «Собор стихов». И что вы думаете! Оказалось, что у нас в Кузбассе за 50 лет писали об этом! Писали о вере, о Боге. И вот этот приход мы проследили и набралось около 500 стихов. Занимаемся антологией, пытаемся создать сибирскую антологию. Будем призывать спонсоров к этому, потому что нужны большие для этого средства. Тут надо, чтобы появилось новое мышление у людей, надо с детства любовь к традициям прививать.

- Хорошо, согрейте душу стихами!

Надо верить, что смерти нет.
Путь прошёл и назад оглянулся –
Слава Богу, я видел свет,
Слава Богу, я в свет окунулся.

Человек уже должен быть счастлив тем, что увидел этот белый свет. Нас заполонили огромные рекламы по всему городу, и не только у нас, по всей России и всем миру. Это к вопросу о том, как рождаются стихи.

Однажды иду на работу и появилось огромное панно, рекламный щит, где девушка (зима, 30 градусов мороза) в нижнем белье рекламирует это бельё. Так мне стало жалко эту девушку! И я написал стихотворение «Зимняя ночь в Кемерово».

Мёрзнет панно на углу гастронома
Девочка мёрзнет в ажурном белье.
Жуткий мороз. Половина второго –
Дворник мечтает о скором тепле.
Только б скорее закончить работу –
Снежный завал разгрести и... домой,
Падает снег с четверга на субботу,
Пятница в этом году – выходной.
Слышится скрип одиноких ботинок,
На перекрёстке позёмка шуршит,
Мимо «де Люксов с Европой» и «Льдинок»
Кто-то проходит в полночной тиши.
Кто-то бредёт по ночным переулкам,
Видно с бессонницей дружит давно...
В этом пространстве морозном и гулком
Слышно – снежинки стучатся в окно.
Всё в этом мире старо и не ново —
Крутит позёмка немое кино...
Мёрзнет панно на углу гастронома,
Девочка мёрзнет, а нам всё равно.

Видно, забыли одеть по погоде
Рекламодатели, шут их возьми,
Дело закончено, дворник уходит,
Мёрзлой лопатой в подъезде гремит.

- Тут вопрос есть от зрителя. Что для вас свобода слова?

- Как отношусь к гласности, к политике, власти? Я любовными стихами отвечу на это. Вот, допустим.

Вырыл колодец глубокий,
Хлебное поле полил,
Избу срубил у дороги,
Песню об этом сложил.
Вышел в открытое поле,
Долго в раздумьи бродил,
Выкрикнул: «Вольному – воля»,
И... в кабалу угодил.

- За всё приходится платить?

- Это относительное понятие – свобода, она не должна быть анархичной. Её можно понимать как свою свободу, внутреннюю, но не вседозволенность. Сегодня свободу трактуют у нас по-другому. Творческий человек, несмотря на свободу слова должен нести ответственность за слово. Слово лечит, как лекарство, как мощная таблетка.

- Слово не воробей.

- Да, может убить, может вылечить. Поэтому очень осторожно надо со словом обращаться. Любому человеку приятно слышать добрые, нежные и ласковые слова.

- А ещё лучше слышать добрые, нежные и ласковые строчки из стихотворения!

- Из новых стихотворений вот такое:

Всё испытал я: и бури, и стужу,
Водку глотал, обжигаясь, как чай, —
Вот и смутил твою юную душу,
Вот и сердечко смутил невзначай.

Бросил словечко, любуясь деяньем, —
Что натворил седовласый старик?
Ведь от разлуки так долго к свиданью,
А от свиданья к разлуке – лишь миг.
Всё я прошёл: океаны и сушу,
Всё, что отмеряно было судьбой...
Вот и смутил твою чистую душу,
В омут глубокий увлёл за собой.

Вот ещё стихотворение «Война и мир»:

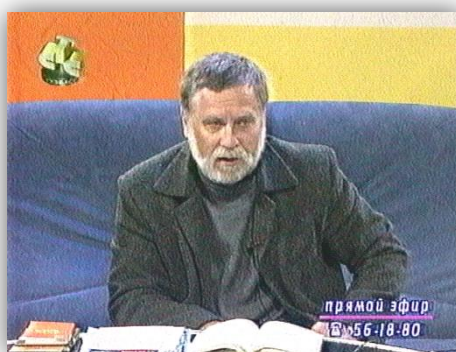
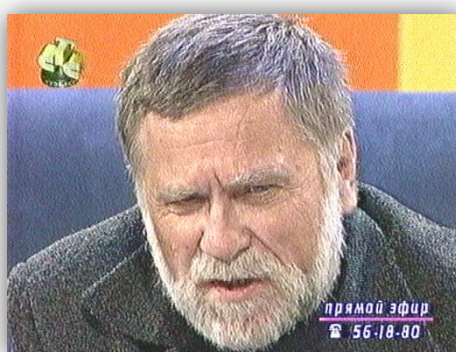
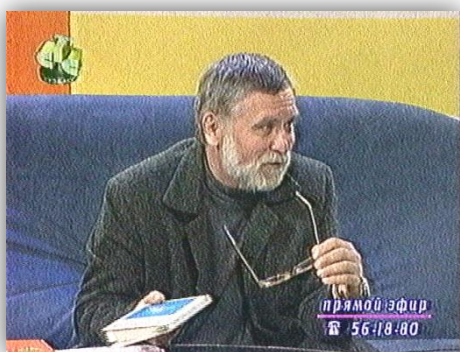
Пройдя сквозь игольное ушко,
Свой путь обозначил в судьбе.
Моя золотая пастушка,
Я снова вернулся к тебе.
Пройдя сквозь игольное ушко,
Тебя отыскал среди дня...
Но громко вдруг грохнула пушка –
Ты вновь потеряла меня.
Опять разбросала по свету
Солдат мировая война...
И ушка игольного нету,
Расплавил иглы она.

По кругу солдатская кружка
Гуляет, медалькой звеня.
Моя дорогая пастушка,
Как будешь ты жить без меня?

- Зрители пишут вам спасибо за стихи.

- Это просто замечательно, что у нас в Кузбассе будут передачи о поэтах, художниках, писателях.

- Будем надеяться. Спасибо!

Кадры из передачи «Как слово наше отзовется...»
Поэт Борис Бурмистров.

ПОЭТ ВАЛЕНТИН МАХАЛОВ

Титр: «Как слово наше отзовется...»

Студия. В кадре ведущий:

- Здравствуйте, дорогие друзья! Предлагаю вам встречу с поэтом Валентином Махаловым. Уважаемые зрители, к нему вопросы любые, потому что поэт в России больше чем поэт. Кстати, а как вы понимаете это выражение?

- Эти слова высокопарные, и сказал эти слова высокопарный поэт, который ещё говорил «Моя фамилия – Россия, а Евтушенко – псевдоним!» Эти слова в его устах чего-то стоят.

- Давай начнём прямо со стихов.

- У нас только что прошёл юбилей старейшего писателя, патриарха, как мы его звали Александра Никитича Волошина. Ему 31 августа исполнилось 90 лет. В Доме актёра праздник этот был, отметили мы его хорошо. Много было выступающих, говорили много добрых слов об этом талантливейшем человеке, первом лауреате Сталинской премии.

- Роман Волошина назывался «Земля Кузнецкая».

- В воскресенье в газете «Кузбасс» была моя статья на полосу под названием «Патриарх». Он, действительно был патриархом и учителем, наставником для многих из нас. В том числе и для меня. Для меня он был не просто учитель, наставник, он был моим большим другом. Мы с ним дружили со студенческой практики, когда я приехал в 1956 году после Ленинградского университета.

Ещё я познакомился с Иваном Алексеевичем Балибаловым, это – наш мудрец, журналист прекрасный, автор книг о Кемерово. С тех пор мы дружили хорошей мужской дружбой. Есть стихотворение у меня о нём, оно есть в моей последней книге «Вечерний разговор» и посвящено именно ему.

Вклад Александра Никитича в Кузбасскую литературу, в сибирскую не оценим, да извините меня, да и в отечественную, и в мировую.

Его книги переведены на десятки языков мира. «Земля Кузнецкая» вышла даже на китайском языке.

- Ты сейчас будешь всю статью пересказывать?

- Да нет! Он был похож на медведя, и стихотворение называется «Медвежий родник».

Пугливой прибрежной тропею,
Слегка замедляя шаги,
Под вечер пришёл к водопою
Косматый хозяин тайги.
Башку тяжело опрокинув,
С потяжливим всхрипом в груди,
Нагорбив мослатую спину,
Он медленно влагу цедил.
Вздымались и вновь опускались
Худые медвежьи бока,
Кроваво глаза отражались
В закатной воде родника
Гляжу, как в лесное затишье,
Уже не опасный теперь,
Студёного зелья испивший,
Уходит стареющий зверь...
Я в этом краю заповедном
Не раз, выбиваясь из сил,
Под вечер, подобно медведю,
На этот родник выходил
И пил запалённо, зверино,
До хрипа, до стона в груди,
И думал счастливо и длинно,
Что вся ещё жизнь впереди.

- Валентин, немножко расскажи о себе.

- Я раньше частенько в вашей студии выступал и рассказывал о себе.

Если коротко, родился я на Волге в городе Горьком в 1933 году. Но жил там недолго. Ещё ребёнком родители увезли меня в деревню под Львовом.

Семья у нас была большущая – 13 детей, большая крестьянская семья. Так что в городе было выжить нелегко. Родители работали на автозаводе. Отец работал на строительстве автозавода. Детство моё и начало юности прошли в деревне. Отец у меня был странник божий, и школу я закончил на Камчатке.

- Как так странник?

- Не любил сидеть на месте, и нашу большую семью он таскал по всей стране. Где мы только не жили. Отец был партийный колхозный работник, первый председатель колхоза в наших краях, очень активный, неусидчивый был человек. Он затащил нас в 50-м году на Камчатку, там я закончил школу.

- Ты и в первый класс там пошёл?

- Нет, на Волге я заканчивал начальные классы.

- Вспомни, как ты первый раз в школу пришёл.

- Меня из школы из первого класса выгнали по малолетству, я слишком рано пришёл и больно много знал. Я умел читать, уже книжки читал.

- Откуда научился?

- От дедушки. У него была библиотека большая. Я книги взрослые читал.

- Какие? Карл Маркс?

- Помню хорошо книгу «Громобой» и помню великолепную книгу, которую я читал украдкой от родителей за печкой при свечке – это «Девки» роман нашего нижегородского писателя, которому совсем недавно было сто лет. Это был крупный писатель, которого благословил в литературу Алексей Максимович Горький. Когда я пришёл в школу, мне показалось странным когда учительница подняла букву А, и спрашивала какая это буква. Я так растерялся, что не мог назвать. Тогда были строгие времена, мне не было 8 лет – меня из первого класса выперли.

- Здорово. Русская печка, палати..

- Потом это всё перешло в мои книжки - рассказы бабушки и дедушки, байки.

- Что было после школы?

- После школы – высшее мореходное училище Владивостокское, но учился я там недолго, всего два курса закончил судоводительского факультета. Это получилось по нужде. Семья была небогатая. Я с Камчатки до Владивостока доехал, а дальше не на что было ехать, и на вокзале познакомился с морячком, этот морячок посоветовал мне идти в мореходку. Там бесплатное питание, обмундирование. Чтоб не висеть на шее у родителей – им было и без меня кого кормить. А потом литература-матушка, я начал печататься в журнале «Дальний Восток», в газетах, и возомнил себя маленько писателем. Тем более, меня похвалил писатель Владивостокский Георгий Калецкий, такой известный писатель по тем местам, сказал, что ты можешь что-то делать. И я решил учиться дальше. Убежал из этого училища. Побег был натуральный. Должны были меня списать на флот.

- В то время строго было.

- Очень строго было, я договорился с ребятами, с такой же шпаной как я, и мы втроём рванули в центр Москвы. Там я в литературный институт хотел поступить, и даже творческий конкурс прошёл. Мне попадались хорошие люди, и один умный человек посоветовал не идти в литературный институт. Он знал, что там писателей не делают. Так оно и есть. У нас в Кузбассе есть люди, которые закончили литературный институт имени Горького и работают слабенькими журналистами в газетах.

- А как писателей делают?

- Писателей делает жизнь, любовь к жизни, люди делают.

- Валентин, какое-нибудь стихотворение той поры. Я помню «Я рос на неласковой земле...»

Я рос на неласковой земле
Где пшеницу ...

- Ой, не помню. Давнее стихотворение, Юра, глубоко копнул ты меня. Но я вспомню...

Я рос на неласковой земле...
Где пшеницу жнут серпами...
Храня о ней добрую память
Я слушал исконную русскую речь,
Мне в сердце она западала,
Здесь люди веками умеют беречь
Её золотое начало.

- Вот откуда учёба-то идёт, надо слушать речь!

- А есть стихотворения той поры, когда мотания эти все, побеги из училища, приезд в Москву... ты же один был там?

- Ну как один? Я после Москвы перебрался в Ленинград, поступил на факультет журналистики, был страшнейший конкурс. Мне везло всегда, там 1600 заявлений было на 28 мест.

- Как во ВГИК на операторский факультет – 300 человек.

- Окончил институт и приехал сюда, в Сибирь, навсегда.

- И тут уже стал работать в газете «Кузбасс» собкором, в «Строительной газете».

- Да, собкором по Западной Сибири.

- Давай ещё стихотворение.

- Вот той поры простенькое стихотворение такое «Предвоенное утро»:

Затопила мама печь
Рано-рано утречком.
Проплывает по избе
Молодою уточкой.
Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.
Просыпается за речкой
Птичьим щебетом лесок.
На дворе растёт трава,
На траве лежат дрова.

Говорит мне моя мама
Очень добрые слова:
«Петушок пропел давно.
Просыпайся, мой сынок...
Солнце мягкой позолотой
Красит в спальне окно».
Я гляжу на белый свет —
Мне всего-то восемь лет.
Я впервые понимаю,
Что меня счастливей нет,
Потому что моя мама
На меня светло глядит,
Потому что наши беды
И потери впереди.
Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.

- А что тебя как поэта больше всего волнует? Я наверное, всем буду задавать один вопрос – как рождаются стихи, откуда они берутся? Кто-то говорил, что надо что-то выжать там из себя.

- Не надо ничего выжимать. Нужно любить землю, природу великолепную, людей русских, которым цены нет. Всё, что я пишу, все книжки мои – это дар маленький за их доброту.

- Тут вопрос от зрителей. Кем бы вы хотели быть, если не стали поэтом?

- Да, в общем-то не было другого выбора. Я рано начал писать стихи, рано начал публиковаться. У меня уже другого пути как бы и не было.

Когда я был менее взрослым – окончил ремесленное училище. Слесарем-водопроводчиком был в Горьком. Эта работа тоже интересная, но я понимал, что не для меня. Моряка из меня тоже не вышло.

- Была какая-нибудь такая профессия, о которой ты мечтал – космонавт там...

- Нет, о профессиях я не думал, хотя страшно завидовал лётчикам. Детство моё прошло в те времена, когда Валерий Павлович Чкалов, мой земляк, депутат Верховного Совета был знаменит. Он к нам прилетал, в предвыборную кампанию на самолётике – сел в поле. Я думал: «Вот настоящий герой наш, народный!» Конечно, все мальчишки мечтали о небе.

И я подумал, напишу-ка я просто поэмку «Мне снится небо»! Но уже там не о Чкалове речь шла, а о Юрии Гагарине.

- Хоть строчку оттуда.

- Мне снится небо... вы знаете, я эти стихи хорошо помню, но если бы не волновался.

- Чё тут волноваться! Зрители вот тебе пишут. Маленький мальчик пишет: «Я начал писать стихи в 1 классе, сейчас мне 11 лет, могу показать вам стихи. Куда можно подойти?»

- Да с удовольствием посмотрю этого маленького мальчика, потому что даже если это плохие стихи, раз он пишет их, значит воровать не будет! Как Маяковский сказал о Франсуа Виньоне: «Если бы не писал стихов, то занимался бы разбоем».

- А ты никогда разбоем не занимался? Ну, воровать – воровал?

- Да нет, хотели меня к этому делу приучить в ремесленном училище. Маленькая бабочка такая была, ходили на Молитовский рынок там, в Горьком...

- Щипать?

- Щипать! Я не щипал, я трусом был – на шухере стоял.

- Кстати, вопрос, пишете ли вы матершинные стихи?

- Писал! Писал до тех пор, пока папаша мой, а он был очень строгий человек – Порфирий Алексеевич не накрыл меня за этим занятием.

Я помню, написал матершинную поэму «Новатор» и читал её детишкам. Он прочитал её и сказал мне очень обидные слова «сукин ты сын!» и бросил моё творчество в русскую печь. Ну, кто из нас не матерился?

- А сегодня Валентин Махалов – лауреат литературной премии имени Фёдорова. Вопрос от зрителя: «Как вы относитесь к наградам?»

- Да как? У меня особенно наград-то не было. Но одной наградой я горжусь – медалькой «300 лет русскому флоту». Меня этой медалью наградили в юбилейный день 60-летия. Там профиль Петра. Всё-таки я с морем как-то связан. Но наград больших я не получал никаких. Я не орденосец в потёмках! Нормально отношусь, если люди заслужили что-то, почему бы и нет. «Фронтовики наденьте ордена», когда-то была такая книга. Надо надевать ордена и трудовые, и боевые. Мой друг, поэт прекрасный Виктор Михайлович Баянов, он очень скромный человек. Я знаю, какие у него ордена, но ни разу его не видел в орденах. У него слава литературная была.

- Читаем стихотворение, а потом вопрос прочитаю.

- Любое?

- Какой поэт без любви?

Нет-нет! Я тебя не обижу.
Я тихо к тебе подойду
И солнцем, закатным и рыжим,
В ладони твои упаду.
И тонкие пальцы согрею
Теплом уходящего дня.
Я очень потом пожалею,
Что ты не узнаешь меня.
И слово обычное «Здравствуй!»,
Неслышно слетевшее с губ,
Неярко блеснёт и погаснет
На дальнем твоём берегу.
Ты вздрогнешь устало плечами,
В ответ не сказав ничего,
Лишь тени забытой печали
Коснутся лица твоего.

Я помнить всю жизнь тебя буду,
Как воздух, как солнечный свет,
Как самое первое чудо,
Которому имени нет.

- Красиво! Молодец! Ещё!

- Красота иногда портит стихи. Я считаю, построже должен быть поэт.

- А есть жёсткие стихи за Русь?

- Есть. Как-то у вас на телевидении, в одной из передач вычеркнули именно жесткое это стихотворение. И я осмелюсь его снова прочитать.

- Прямой эфир, уже не вычеркнешь!

- Он был у меня последним, и его отрубили, а чего напугались – не знаю.

Что-то соловья давно не слышно
Ни в близи от городов, и ни в глуши.
Видно, песни запретил ему всевышний,
А вот карканье воронье разрешил.
Свадьбы – реже, чаще – похороны.
И беда стучится в каждый дом.
Заслонили белый свет вороны
Черным лакированным крылом.
Солнце утопает в грозных тучах,
Молнии кромсают небосвод.
Мы ещё надеемся на случай –
Вдруг нам вправду завтра повезёт.
Повезёт, когда ударят звоны
Русских вековых колоколов,
И слетят, шарахаясь, вороны
С золотых церковных куполов.

- Это достаточно жёсткое стихотворение?

- Нет. Но оно созвучно моему случаю, который со мной сегодня произошёл.

- Какие передачи вы смотрите по телевизору?

- Из нашего, или вообще?

- **У нас всего 10 каналов.**

- Люблю программу «Диалоги о животных», смотрю её до дыр. Я сам очень люблю природу, у меня много стихов о природе, о тайге. Таёжником считал себя, а сейчас ноженьки маленько не те, и силы не те. Но все горы излазил здесь в Кузбассе, в Горной Шории, все ручейки.

- **Что ещё смотришь?**

- Ну, «Шаг за горизонт» смотрю.

- **Спасибо. А что раздражает тебя в нашем телевидении?**

- Всех, не только меня, раздражает реклама, пустая, тупая реклама. Да ещё когда она в стихах – меня, как пишущего человека буквально рвёт на части. И раздражают, конечно, боевики вот эти все, как раздражали и сериалы. Бабка у меня смотрела эти сериалы, тёща, мексиканские сериалы. А меня они раздражают, хотя они добрые и безобидные.

- **А ты видел программу «Окна»?**

- Видел, плевался. Хотя ведущий, по-моему, талантливый человек. Программа идёт и днём, и вечером, а дети смотрят. Сегодня видел – пятилетний мальчишка, сидит на заборе и кричит своей подружке словами из этой передачи. Раздражала программа, которую вела негритоска.

- **«Про это». Что для вас свобода слова?**

- Свобода слова, это когда человеку можно сказать, не то что не боясь ничего, но искренне, с сочувствием к народу, с любовью к народу, что думаешь. А не такая раскрепощённость. Освободились от всего – от мысли, от чувства и влезли в грязь. Это не та свобода. За такую свободу можно привлекать к ответственности.

- **Какие планы на будущее?**

- Последняя моя книжка стихов вышла уже давненько. Раньше я писал, не жалея себя, времени и сил. Сейчас уже силы не те. Но стихи пишу помаленьку и сейчас. Работаю сейчас над книжкой «Встречи без расставаний». Это проза. Воспоминания.

Жизнь прожил уже большую, много видел, много знал интереснейших людей, начиная с Анны Ахматовой, Зощенко. Общаться приходилось.

- **Я даже знаю, что ты НЛО видел.**

- Видел, но постеснялся рассказать на передаче.

- **Время передачи подходит к концу. Не наше время, это ихнее время подходит к концу. У нас ещё стихи. «Душой предчувствуя разлад...»**

- Ты меня ставишь в неудобное положение...

- **Ну, давай своё!**

- Да нет. Я вспомню... надо маленько собраться. Стихи я все свои помню. И стихи товарищей даже помню. Я бы в заключение прочитал коротенькое стихотворение о природе «Марьин корень»:

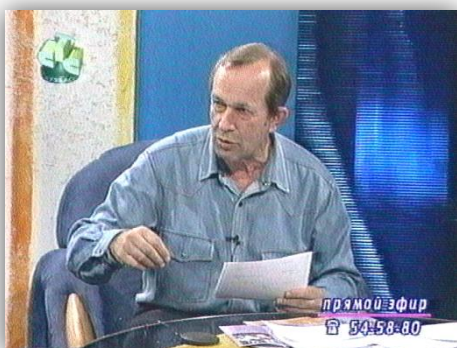
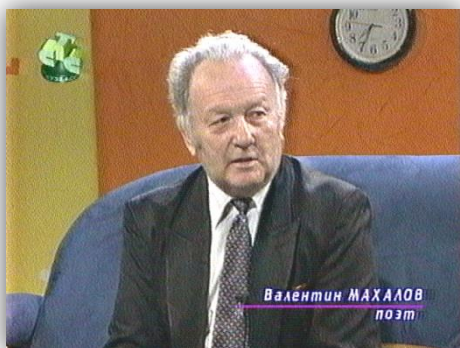
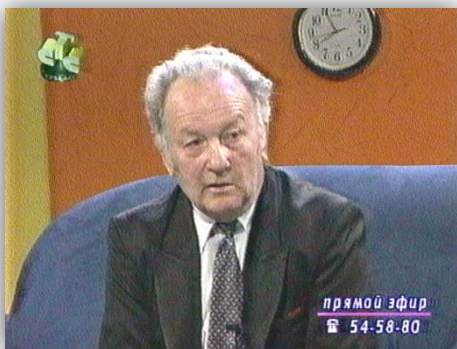
Было так. Ливень вымотал душу,
Вымыл тело до белой кости.
Нас держала тайга равнодушно,
Как букашек, в косматой горсти.
А когда мы спустились с предгорий,
Шли по травам, побитым дождём,
Окаянный цветок марьин корень
Полыхал греховодным огнём.
Нам казалось: вот-вот загорится
От него молодая трава.
Веселели усталые лица,
Веселее дышали слова.
И всего удивительней было –
Сколько в этом цветке собралось
Негасимой и трепетной силы
В этом мире, продрогшем насквозь.

Когда я писал это стихотворение, я думал о русской женщине, сибирячке, которая вот в таких трудных условиях терпит всё, как всякая русская женщина. А в жёлтых куртках женщины, которые работают на железных дорогах? А сколько красоты скрыто в русской женщине! Она достойна высоких стихов.

Живёт на свете женщина
Невесело и странно,
Как ветер, переменчива,
Как совесть, постоянна.
В ней боль земная смешана
С последнею надеждой.
Живёт на свете женщина
Красивой и нездешней.
Свои глаза-печалины
Она несёт по городу
До смелости отчаянно,
Возвышенно и гордо.
С путями этой женщины,
Задумчивой и строгой,
Случайно перекрещены
Мои пути-дороги.
Я знал ее любимого,
Любимого, неверного,
Никем не заменимого
В душе её, наверное.
Рассветы, весны, осени
С ним накрепко запомнены.
Куда его забросили
Дороги закольные?
Ужели его, грешного,
Ни разу не окликнула
Тревога этой женщины,
Любовь её великая?
Прошу у жизни малости,
Прошу у жизни милости,
Не доброты, не жалости,
А просто справедливости.

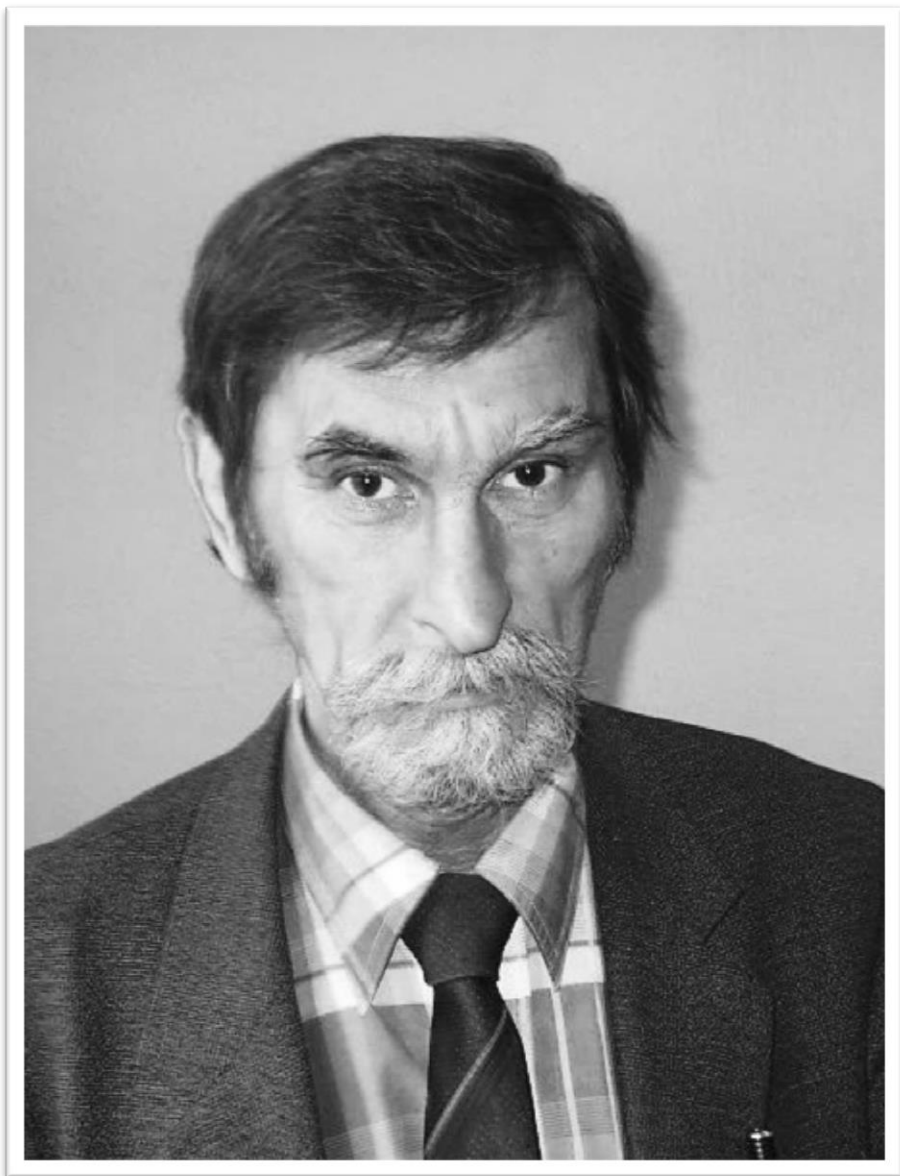
- Спасибо!

- Спасибо! Моим товарищам поклон низкий. Я давненько не выступал у вас.

Кадры из передачи «Как слово наше отзовется...»
Поэт Валентин Махалов.

ПОЭТ АЛЕКСАНДР КАТКОВ

Титр «Как слово наше отзовется...»

Студия. В кадре ведущий:

- Здравствуйте, дорогие друзья! Сегодня у нас с вами в прямом эфире встреча с поэтом и переводчиком Александром Катковым. А начнём мы, наверное, с программного заявления. Ой, нет, не так. С программного стихотворения.

Проживаем в годы позора,
Выживаем и мёрзнем во мгле
Средь разрухи,
Раздора, разора,
Средь бутылок на нищем столе.
Всё-то кажется – где же надёга
На Россию, на нас, на меня?
И откуда прискачет подмога,
Стременами надежды звеня?
Ах, как матушка приболела!
Вкривь и вкось дороги ушли
От её болезного тела,
От бессмертной её души...
Что ж, поплачем.
А дальше? А дальше?
Как надеяться я хочу:
Наши дети: Иванушки, Даши
На ветру не погасят свечу.

- Душевно. Саша, расскажи немножко о себе. Зрителю всегда интересно узнать о поэте.

- Если вкратце о себе, то родился я в казачьем хуторе, на границе с Чечнёй в Ставропольском крае. И где я часто стараюсь бывать. И, как это не покажется странным, то до шестнадцати лет я ни разу города не видел. Жил в казачьем хуторе.

- А шашка была у тебя?

- Шашка? У деда была. У меня нет. Так получилось, что мне повезло с преподавателем немецкого языка в 9 -10 классе.

Мне удалось при моей такой непрезентабельной биографии поступить в иняз в Пятигорский институт иностранных языков.

- То есть, из этой деревеньки поступаешь в Пятигорский институт на факультет...

- На факультет немецкого языка. После двух лет, так уж получилось, я, видно, очень старался, меня отправили в Германию в город Лейпциг в институт Карла Маркса. Который я и закончил. Потом были ракетные войска стратегического назначения.

- Так ты шпрехаешь по-немецки?

- Да, стараюсь.

- Тогда, попробуй, хоть два слова сказать.

(Говорит по-немецки).

- Меня радует сидеть рядом с тобой, и читать свои стихи.

- Ich heise Yura.

- Ich heise Alexander.

- Что тебе дал этот институт Карла Маркса?

- В том плане, что я получил неплохое представление о мировой литературе и о литературе немецкой, в частности. Дипломную работу защищал по немецкой грамматической лирике. Вот в этом плане.

- А в плане человеческого?

- Ты представляешь, когда ты живешь за две границы от казачьего хутора, то любовь к Родине обостряется. Когда ты подумаешь, что любимые твои пирамидальные тополя далеко-далеко, а ты здесь, под немецким небом.

- Какие это годы были? Шестидесятые, или раньше?

- Это были шестьдесят девятый, семидесятый, вплоть до семьдесят третьего включительно.

- В Германии тогда уже хорошо жили? Там мог бы остаться?

- А зачем? Во-первых, желания не было. А во-вторых, меня вызвали в консульство и намекнули, что мне пора бы послужить в армии.

Так я «с корабля на бал» попал в ракетные войска. Тогда Литва была ещё не заграница. Там в городе Таураге я и прослужил в ракетных войсках.

- Вообще, как поэты относятся к воинской службе?

- Трудно сказать. Лично я не знаю. Ты не поверишь, сколько лет прошло, а мне снится один и тот же цветной сон. Как будто я не дослужил, мне надо ещё служить. И даже запах мастики снится, которой натирают казарму.

- У меня происходит тоже самое. Я какой раз вижу один и тот же сон, как я не могу сдать экзамен по политэкономии во ВГИКе. Всё время возвращаюсь в Москву и никак не могу выехать оттуда. К чему бы эти сны? Разгадать бы их? Тебе сны поддаются разгадке?

- Да, но не все, не все... Последнее время становишься суеверным. Боишься снов, как бы они не сбылись.

- После ракетных войск, куда тебя судьба занесла?

- Так получилось, что о ней не хотелось подробно говорить. Занесло меня сюда, в Сибирь, в Кемерово, где я преподавал в университете, в институте культуры, в технологическом институте и даже один год работал переводчиком на «Азоте». У нас, в Кемерово, делали сооружение по производству гидроксилamina. Если не изменяет память, мы тогда купили сооружение за сорок восемь миллионов рублей.

- Все переводчики – обычно шпионы?

- Ну да, и меня и считали первое время, что (говорит по-немецки) – я человек из КГБ. Была монтажная группа из фирмы БАСФ из Людвигсхафена. Они занимались монтажом оборудования, и я был у них переводчиком.

- Переводчик не только переводит разговор, а ещё переводит литературные произведения.

- Поскольку я защищал дипломную работу в университете о немецкой поэзии, то мне приходилось переводить современных поэтов. Честно говоря, так из меркантильных соображений я в своё время перевёл на русский язык шпионский роман о Джеймсе Бонде.

- Во как!

- Да. «Жить и дать умереть». Книга вышла по тем временам неплохим тиражом - тридцать тысяч экземпляров.

- Заработал кучу денег!?

- Я бы не сказал. Этот роман шёл в газете «Шанс» в течение года. Ради подписки его публиковали с продолжениями. Потом вышла отдельная книжка.

- И куда ты деньги потратил?

- Куда? Куда? Были бы деньги! Потратить есть куда.

- Тут вопрос от зрителей. Какого цвета и как звать вашу Музу? Я бы до этого не додумался.

- Я бы тоже. Во-первых, моя Муза, если брать по облику, то это моя женщина. Если брать имя, то это имя моей доченьки Даши.

- А есть стихи о дочери?

- Вот, пожалуйста. В этой книге цикл стихотворений, называется «Детство Даши». Я прочту вот такое. Я шёл с ней по улице Красной. Вёл её за руку, была осень. Получилось вот такое стихотворение:

На улице Красной погода красна,
Рябины алеют, и дочка смеется.
Все реже и реже уже удаётся
Испить свою радость до самого дна.
Затем, что вокруг неуютное время,
И хочешь-не хочешь, но сходишь с ума,
Молча становишься следом за теми,
Кому суждена и тюрьма, и сума.
Но хочется верить, что жизнь не напрасна,
Она как и прежде, горька и права,
Пока в этом мире на улице Красной
Рябины алеют, и дочка жива.

- И это детское стихотворение? Бедный ребёнок!

- Вот ещё стихотворение.

- Из этого же цикла, или другое?

- Для разнообразия прочту другие стихи. Дело в том, что один из моих любимых писателей – это писатель, русский писатель Юрий Васильевич Бондарев. Особенно поразил меня его роман «Берег». Там русский писатель Никитин едет в Германию, вспоминает свою военную юность и по пути умирает от разрыва сердца в самолёте. Помнишь, роман кончается такой поразительной фразой: «Он медленно плыл на пропахшем сеном пароме к берегу зелёному, обетованному, обещавшему ему всю жизнь впереди». Я написал стихотворение. Это стихотворение показал Бондареву. Стихотворение ему понравилось, он мне ответил. Стихотворение так и называется «Писатель Бондарев»:

Ничего не будет потом
После жизни и после затмения,
И ничто никогда не заменит
Этот пахнувший сеном паром,
Никогда не будет уже
Этой трепетной нежности чуда...
И скажите на милость, откуда
Быть бессмертной сгоревшей душе.
Коль полжизни ушло на войну
И на память о долгих потерях,
Но и всё же в бессмертие веру
Пусть никто не поставит в вину.
Над землёй ликовать соловьи
Будут вновь для других,
Когда знаешь, что от боли теряя сознание,
Всё равно доплывёшь до любви.

- Мне более десяти раз приходилось пересекать границу. Как ты знаешь, расстояние между колёсами в вагонах в Советском Союзе и за границей разное. На границе меняют колёсные пары. Вот в то время, когда меняли колёсные пары около Буга, я представлял себе, как в сорок первом году были последние 2-3 минуты, перед началом войны. Такая тишина!

Вот отсюда началась наша беда российская. В стихотворении «22 июня» я хотел показать ощущение человека за одну минуту до начала войны.

Даже шальные птицы не пели тогда в июне,
Лишь гнулись буйные травы под тяжестью утренних рос.
Была тишина такая, что, если и ветер дунет,
Слышно на всю Россию тревожный шёпот берёз.
И будущие – отец мой и мама уже не могли друг без друга,
Но фашисты спружинились, и в самый последний миг
В цейсовские бинокли с левого берега Буга
Нагло разглядывали Родину, выцеливая часовых.

- Что в твоём понятии слово Родина?

- Родина? Хорошо, я сейчас скажу. Постараюсь сказать в двух-трёх словах. Когда была вот эта Великая Отечественная война, и наши ратники, наши Иваны, Михаилы, Касьяны поднимались с окопов с криками «За Родину!», «За Сталина!». Так оно и было. Но каждый из них защищал не какую-то Родину, скажем от Буга до Урала, а то место, о котором писал ещё Константин Симонов. Место у трёх берёз. Свою малую Родину.

- Одна из твоих книг называется «Синие ставни». В ней есть стихотворение о Родине. Прочти.

Это Родина – синие ставни,
Это Родина – ивы в наклон,
Над которыми серыми стаями
Птицы тянутся в небосклон.
Было вдоволь и песен, и хлеба,
Жизнь взахлёб, и беда по плечу,
Но под этим единственным небом
Я от Родины мало хочу.
Я хочу, чтоб земля не скудела,
От которой и песни, и хлеб,

Чтобы делая нужное дело,
Не оглох я и не ослеп...
Я хочу, чтоб река не мелела,
Чтоб пьянил и дурманил чабрец,
Чтобы мама моя не болела,
И, чтоб сильным остался отец.

Вот что для меня моя малая Родина. И Есенин говорил об этом, и на Руси давным-давно говорили: «Свято место, где пупок резан». Ищи в себе Малую Родину. Не найдёшь, значит ты как поэт кончился. Ты будешь обыкновенным горлопаном, трезвоном.

- Я вот недавно поймал себя на мысли, почему напечатанное стихотворение действует не так сильно, как произнесённое слово. Почему Маяковский читал свои стихи, почему в шестидесятые годы в Политехническом молодые поэты читали свои стихи и почему так мало сейчас читают свои стихи?

- Обычно, когда я читаю свои стихи, то в аудитории выбираю одного человека, его глаза. Если мы с ним на одной волне, то наступает понятийный контакт.

Что касается того, что стихи сейчас мало звучат по радио, на телевидении, то это не наша вина, а тех людей, которые формируют программы.

Что касается встреч, тут, Юра, я тебя опровергну. В год мы проводим около трёхсот встреч, и с каждым годом всё больше и больше.

- Встречи с кем?

- Со школьниками, в училищах, в техникумах, перед рабочими аудиториями, перед студентами, в библиотеках.

- Ощущение от встреч меняются?

- Если сравнить начальный период, лет пятнадцать назад – принимали прекрасно. Потом наступило время перестройки, и люди были настолько дезориентированы, что потеряли вкус к стихам.

В последние время, мне кажется, наступило пресыщение. Глаза, особенно детей, стали совершенно другими. Сейчас наша ответственность – выступить именно перед этими ребятами, на худенькие плечи которых остаётся наша держава. От того, какими они будут, такой и будет наша Россия. Перед стариками читаем для того, чтобы повиниться. Потому, что они такую страну создали, а мы её профукали.

- Саш, давай, выдай лирическое стихотворение.

- Хорошо. Прочту стихотворение о женской судьбе. Стихотворение о старухе, которую я знал. Она была подругой моей бабушки Феодосии. Судьба её сложилась настолько страшно, что и придумать невозможно. Когда я тебе прочту, ты поймёшь, почему я написал это стихотворение. Здесь основополагающая мысль – память крови.

И тревожным был год, и весёлым,
Жутким, как удар палаша,
А казачка бой-баба Васёна
Так чертовски была хороша.
Были сладки свиданья за банькой,
Да в оглядку за десять дворов,
Потому как милёночек в банде,
Чуть светает – и будь здоров.
Эту банду в расход и запишут,
А она не уронит слезу
Чуть живого милёночка Гришу
Будет прятать от ЧЁНа в лесу.
А потом закопает украдкой
Где не ворон, не чёрт не сидит,
Снова в хутор вернётся с оглядкой
И дитя в той же баньке родит.
Память кровная – страшная сила,
Нет страшнее, наверное, сил,
Когда немцы пойдут на Россию
В полицаи уйдёт её сын.

Но воздастся снова сторицей
И отродью, но главное – ей,
И ещё проживёт она тридцать
Долгих лет среди добрых людей.
Никогда не забуду на свете,
Как ссутулившись у окна,
И страшней, и уродливей смерти
Дождается смерти она.

- Ты по жизни жёсткий человек?

- По жизни я очень добрый человек. Как это ни странно.

- А если надо в драку ввязаться?

- В драку?

- Горбылём по спине.

- Не знаю, не пробовал. Словом – могу.

- По стихам чувствуется такая сила! А на самом деле ты один из добрейших людей на свете. Тут ещё вопросы от зрителей. Давай ответим на них.

- Давай.

- Как появляются стихи?

- По-разному. Бывает, что какая-то строчка преследует тебя и день и ночь, постепенно обрастает плотью, кровью, и потом получается стихотворение. Стихотворение «Васёна» я писал лет шесть или семь. А бывает стихотворение, которое может получиться за две-три минуты. Если хотите, я прочту стихотворение, оно появилось у меня за две, три минуты, не более. Оно о погоде. Написалось буквально на выдохе.

Вот и выпали снега, вот и выпали.
Над планетой день стоит снеговой.
Мы до донышка октябрь вместе выпили,
До сих пор хожу с хмельной головой.
Всё проходит на земле, всё кончается...
Эту истину поймёшь ты сама,
А пока высокий тополь качается,
От октябрьских небес без ума.

И пока живу, надеюсь и верую,
Что окончатся мои холода.
Ты была моей последней, как первую...
Я тебя не разлюблю никогда.

- Как говорил Александр Сергеевич Пушкин: «Над вымыслом слезами обольюсь...» Когда ты читал стихотворение про улицу Красную, то я чего-то вспомнил, как Лермонтов, глядя на какую-то лужу произнёс: «Белеет парус одинокий...»

- Да, да. Давай, Юра продолжим мысль. Смотрите, Чехов Антон Павлович сказал: «Да вы мне пепельницу покажите, я из этой пепельницы такую пьесу напишу». Отталкиваясь от вида одной только пепельницы. Пути поэтические, как и Господни, неисповедимы.

- Зритель спрашивает. Вы пишете мемуары?

- Мемуары. Да как сказать. Есть у меня проза, мемуарного плана. Она – как эссе. У меня есть «Золотые леса Шварцвальда», или «Воспоминания о Рождестве» в Германии.

- Понятно. Говорят, что когда пишут мемуары, то в них много вранья. Ибо человек так создан, когда вспоминает прошлое, то какие-то яркие события, а всё остальное погружается во мрак.

- Да, это правда. Почему? Потому, что человек пишущий мемуары, он не хотел бы вспоминать плохое, что было с ним, и он волей-неволей хочет казаться лучше, чем есть на самом деле. И от того доверие к мемуарам, в общем должно быть относительно. Я так полагаю.

- А для чего пишут мемуары? Чтоб себя показать?

- Они желали через свою личную судьбу, наверное, хотели показать судьбу страны, общества, событий, к которым они были причастны. Наверное, так.

- Вопрос от зрителя Петрова. С какими известными писателями и поэтами вы встречались?

- Если брать те утренние годы, то...

- Как красиво сказал: утренние годы! Я тоже буду говорить так.

- Нам курс лекций по английской литературе читал лауреат Ленинской премии Джемс Олдридж. Мне приходилось с ним общаться. Мы с ним в паузах выходили курить вместе.

- Помню, был фильм по его рассказу «Последний дюйм».

- Да. «Последний дюйм», «Дело чести». Тогда он был очень в моде.

- А с поэтами? Надо, наверное, так спросить. Какой поэт или писатель оказал на тебя большее воздействие?

- Николай Рубцов. Прекрасный поэт. Недавно встречались с прекрасным писателем Станиславом Куняевым, который приезжал к нам на юбилей писательской организации. Встречался давным-давно с Валентином Распутиным. Когда я подошёл к нему и сказал, вот так и так, приехал в Иркутск из Кемерово. А он спросил: «Саша, а что ты там пишешь?» Я похвастался, мол я стихи и прозу пишу. Он говорит: «Не торопись, Саша. Надо писать что-то одно, пока не устоялся голос». Как сейчас помню. В конце семидесятых это было.

- Эта встреча мелькнула, как яркая звездочка.

- Мы были на Шукшинских чтениях. Какой прекрасный, щемящий русский писатель Виктор Лихоносков. Он живёт сейчас в Краснодаре. Бывают такие писатели, которые штампуют книги и печатают, печатают.

- Вот тут ещё вопросик от зрителя. Как вы понимаете, слова «Поэтом можешь и не быть?»

- ... а гражданином быть обязан. А для меня поэт и гражданин это слито воедино. Не мною сказано, «...кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизну свою».

- Думаю, Некрасов, это от лукавого написал.

- Да ну, нет, ты чё! Нет. Некрасов! А если согласишься его творчество, разве такое возможно.

- Вопрос снят.

- Николай Алексеевич бы на тебя обиделся.
- **Хорошо. Стихи читаем. А то у нас тридцать минут пролетают. Раз – и нет.**
- Вот такое стихотворение о любви.

Я эту мысль додумаю потом.
Теперь бы мне с собою разобраться,
Поставить точку, с памятью расстаться,
И пусть она летит за окоём.

Повадилась бессонница ко мне ходить
И ждать над самым изголовьем,
Когда прощусь с единственной любовью,
Лишь мутный свет появится в окне.

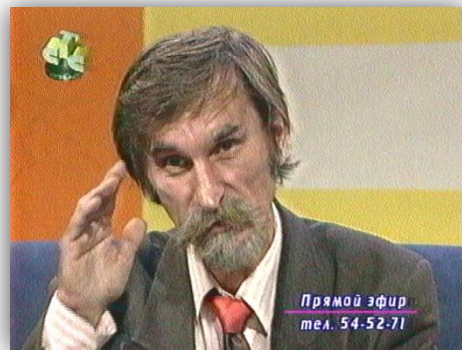
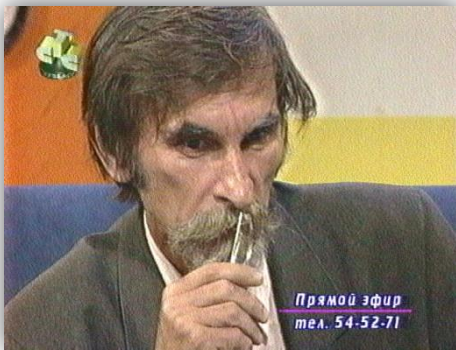
Но засыпаю. Сны мои легки,
Я чутко сплю, и мне под утро снится
Та женщина, как чистая страница,
Где нет еще нечаянной строки,

Нет той строки, которая насквозь
Малиновою нитью жизнь прострочит
И все до мелочей мне напророчит
До бездны, до бессонницы, до слёз.

Я признаю, что виноват во всём,
Но не будите, птицы, не будите.
Есть мысль одна, страшнее, чем открытье,
Но эту мысль додумаю потом.

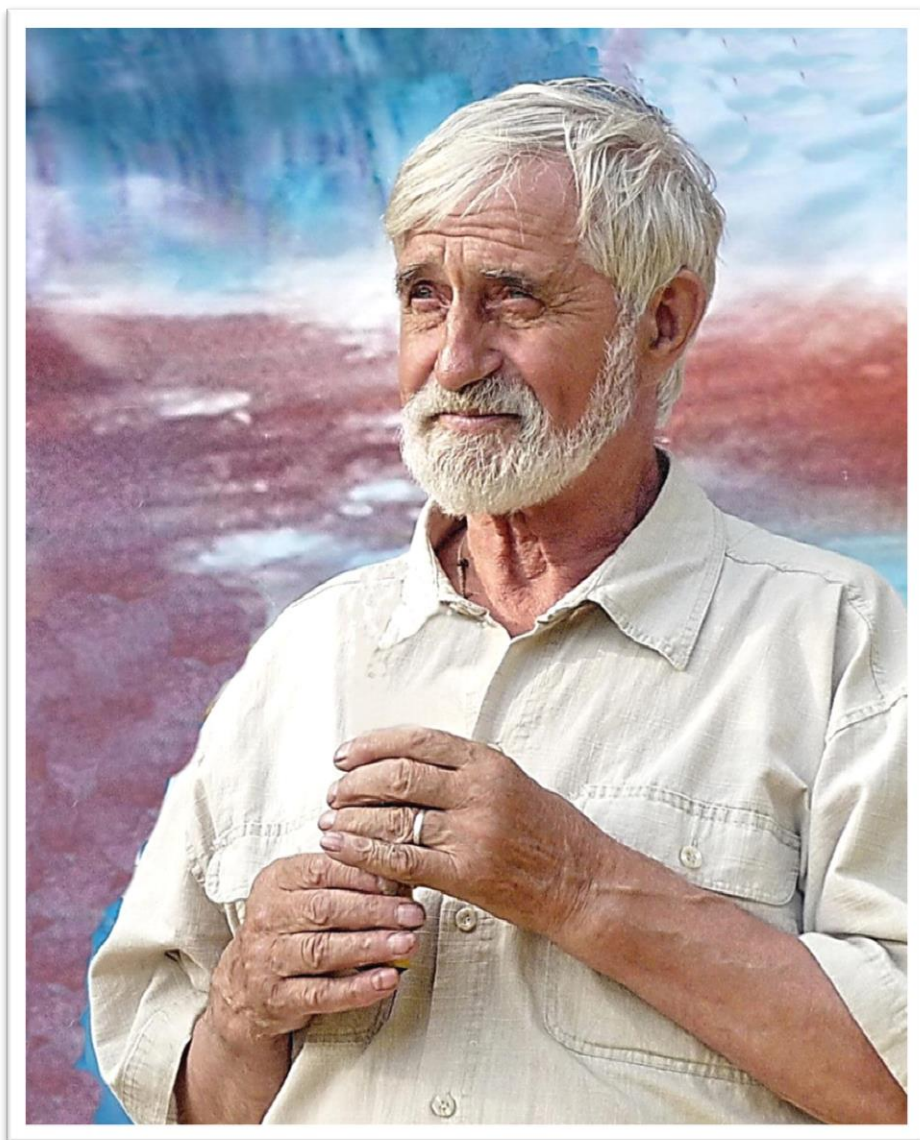
- Спасибо, Саша. Зрители благодарят тебя за творчество. Спасибо!

- Спасибо большое. Спасибо за внимание, будьте счастливы, всего вам доброго!

Кадры из передачи «Как слово наше отзовется...»
Поэт Александр Катков.

ПОЭТ ЛЕОНИД ГЕРЖИДОВИЧ

Титр: «Как слово наше отзовется...»

Студия. В кадре ведущий:

- Здравствуйте, дорогие друзья! Как наше слово отзовется... Оказывается, не отозвалось... Сегодня мы заканчиваем показ встреч с поэтами и писателями Кузбасса. Прошу любить и жаловать, в студии поэт Леонид Гержидович. Я сегодня не буду задавать много вопросов. Пусть звучат стихи. Лёнь, начинай.

Я пьянею от запаха хвойного.
Спелый август мне – как благовест.
Неужель из ореха кедрового
Я явился на божеский свет?
И не в честь ли меня у Скоблѐнки,
Где мой прадед елани косил,
В час урочный задорно и звонко
Над округою лось протрубил?
Озирал я любимые дали
С высоты озарѐнного дня.
Небеса мне оттѐмки прощали,
И дожди причащали меня.
На сугревах зверята резвились,
Хороводились возле берѐз,
И столетние сосны дивились,
Как я в землю родимую врос.
Не с того ль мне так благостно слушать,
Как поѐт прародитель-ручей,
Где берѐз кучерявятся кущи.
И колышется мощь кедрочей.

- Лёнь, я про тебя почти всё знаю, потому что много снимал о тебе, не одно кино, и знакомы сто лет. А зрителю всё-таки интересно узнать о тебе с твоих слов.

- Ну, я местный, барзасский. Хотя родился в Панфилово. Тоже наш край. В два года, после репрессий отца, моя мать с четырьмя детьми приехали в Барзас, где жила её сестра.

Так что я своей родиной считаю Барзас. Барзас, барзасскую тайгу и барзасскую школу, которую сейчас наконец-то новую выстроили. Мы там ещё при керосинках учились. Ещё рояль был в школе.

- Давай стихотворение про рояль.

- Сейчас, сейчас. Главное стихотворение за хохолок поймать, и потом его как клубок размотать.

Давным-давно в холодной ветхой школе,
Укутанной в заснеженную шаль,
В большом углу, как лодка на приколе,
Стоял разбитый, старенький рояль.
Сушились звуков трепетные весла.
Я их совсем не слышал и не знал,
Поскольку на рояле том из взрослых
Никто в ту пору, помню, не играл.
Он выглядел совсем не образцово,
Но как-то намечалось торжество;
От взрослых глаз, как от дождя косога,
Я спрятался под днищем у него.
И закачавшись, раскололась школа,
И накренившись, ожил тихий зал.
Была лодчонка сорвана с прикола,
И я поплыл в неведомую даль.
И плыл, и плыл я, взбалмошный мальчонка,
Стучали волны о корму взахлеб,
И по спине моей, под фуфайчонкой,
Бродил не то огонь, не то озноб.
А за спиной от частых похоронок
Проплаканный и от коптилок слеп
Дремал устало сумрачный посёлок.
И снился людям в каждом доме хлеб.
И я не знал, что мне предназначался
Не голодом очерченный удел.
А школьный зал качался и качался,
И я в углу, нахохлившись, сидел,

И было далеко мне до причала.
Кружился танец, платьями шурша.
И плакала во мне, и замирала
Во что-то посвящённая душа.

- Зрители уже вопросы задают. Я увидел тут один вопрос, кажется, про душу есть. Как по-вашему, что такое русская душа?

- Всеобъемлющий вопрос. Душа у меня в стихах.

- «И плакала, и замирала...»

- «Во что-то посвящённая душа». У меня ещё есть такое стихотворение:

Умру – душа останется.
У речки поутру
Присядет вечной странницей
К рыбацъему костру.
И рыбаков по случаю
На росном берегу
Я страстью неминучею
Незримо обожгу.
Им с сущим пониманием
Вселю благую мысль –
Чем дышит мироздание
И как струится высь.
Чтоб им в злобе нечаянной
В сердцах не замутишь
Речушки нескончаемой
Божественную нить.
Не заболеть под кущами
От зги и нищеты
На жизни срок отпущенный
Нехваткой доброты.
В забои и на пахоту
Нести благую весть,
И жизнь любить распахнуто
Такой, какая есть.

- В каком возрасте начал писать стихи?

- Да пожалуй, наверное, в армии. В техникуме физкультуры немного баловался. Был такой случай. Один студент начал письмо писать на уроке физики, а его вызвали отвечать. Я взял его письмо и начал дальше продолжать.

- Письмо к любимой девушке?

- Наверное. Когда он ответил, сел на место, стал читать письмо, и начал хохотать. Учительница подошла, отобрала этот лист и после урока отнесла в учительскую. «Вот, говорит, чем студенты на моих уроках занимаются!» Ко мне пришёл парторг и начал воспитывать. Исключим, разве такое можно писать! Завуч пожалел меня, вызвал и говорит: «Будешь стенгазету выпускать».

- Стенгазетчиком стал?

- Эту стенгазету редактировал до конца. Это было на первом курсе, до третьего курса я уже заматерел, такой газетчик стал. Вот там я стихи пописывал. Когда попал в армию, такая тоска брала о тайге, страшная тоска. Я просто взял, написал сестрёнке письмо в стихах. Я его до сих пор помню. Одно из первых стихотворений.

- Хотя бы строчку прочитай.

- Как-то так получилось, что я в этом стихотворении запрограммировал свою дальнейшую жизнь. И вот так оно и получилось. Оно слабенькое, правда, но оно нравится мне это стихотворение. Оно одно из первых. Сестра, когда получила его, отнесла в газету, а его напечатали. Прислала мне вырезку. Это первое моё печатное стихотворение.

Ну, тогда у меня уверенность пошла. Раз меня напечатали, я тогда в армейскую газету написал. Одно стихотворение, второе. Потом дали целую подборку.

- Лёня, я первый раз слышу такое, что стихи – это программа. Программа на жизнь

- Да. Да, я в этом уверен. Как себя запрограммируешь, так она и пойдёт, дальнейшая жизнь. Сейчас я прочитаю, только не улыбайся.

Всё мне грезится наша сторонка,
Вновь всю ночь не смыкаю я глаз.
Неспроста, знать, родная сестрёнка,
Не даёт мне покоя Барзас.
Лишь припомню его я, и сердце
Вмиг удвоит биенье своё.
Неужели на Родине детства
Укрывается счастье моё?
Знаю,
Счастье вещунья-кукушка
Не накличет, пустая, хоть плачь.
Счастье –
Нет, не такая игрушка,
Что завёл, и запрыгало вскачь.
Как же мне отыскать это счастье?
Где и в чём затаилось оно?
В шумном цехе? В таёжной ли чаще?
Там ли, где вызревает зерно?
Чтоб в исканьях не знал я печали,
И утрат не изведал мой труд.
Ты послушай: в тайгу, не меня ли
Ранним утром кедровки зовут?
Продолжают ли наши просторы
С тихой грустью без усталости ждать
Человека,
Сумел бы который
Нашим рекам, тайге и озёрам
Своё сердце живое отдать
Если всё это так, то, сестрёнка,
Слушай,
Вот оно, сердце моё!
Будет время,
В родимой сторонке
Я найду это счастье своё!

Вот такое стихотворение. Это написано где-то в пятьдесят четвёртом году.

- Счастье нашёл?

- Нашёл. Нашёл.

- В чём оно счастье?

- Воплотить свою запрограммированность в реальность. Я нашёл это счастье в стихах, в любви своей, в доброте.

- Дети спрашивают. Вы сочиняете детские стихи?. И ещё, детский голос спрашивает «Сколько вы написали стихов?» Вот столько!

- Ну, я разве считал. Много стихов.

- Восемь тысяч восемьсот восемьдесят восемь.

- Детская книга у меня была, когда перестройка началась, её отослали в Новосибирск, там печатали книги с цветными картинками. Там она пролежала несколько лет - всё чего-то не хватало. Потом переслали в Омск. В Омске книга потерялась, вообще рукопись затерялась.

- Стихи из той книги остались? Дети просят, какое-нибудь детское стихотворение.

- У меня детских много. Не знаю даже какое из них прочитать. Я прочитаю, которого не было в книжке. «Я и дедушка».

На прогулку с дедушкой мы ходили в лес,
Я поехал с горки и в снегу исчез
Просидел под снегом я четыре дня
Дед принёс лопату и отрыл меня.

Говорит мне дедушка: «У меня учись!»
И на лыжах с горки покатился вниз
Зацепился дедушка бородой за пень
И у пня, несчастный, просидел весь день

В город я за ножницами сбегал в один миг,
К вечеру я бороду дедушке отстриг.
Нас с прогулки встретила радостно семья.
Вот какие дружные – дедушка и я.

Продолжение такое:

Ходит дед без бороды, как попавший в воду.
Говорит: «Такой беды не знавал я сроду».
Я к козе пошёл в сарай, сена взял в беремья
Говорю: «Ты деду дай бороду на время».

Мне коза сказала: «На! Мне её не жалко
Надоела мне она, виснет как мочалка!»
С бородой я поспешил к деду и иголкой,
Деду бороду пришил – это мне не долго.

И теперь дедуля мой с длинной и косматой
Ходит с козьей бородой, только не рогатый.

- Здорово, это как «Дядя Стёпа», даже лучше. Вопросы зрителей. Вы живёте в деревне, а не скучно?

- Да нет, наверное. Я знаю язык зверей, знаю язык деревьев. Я с ними разговариваю. Я знаю, они мне говорят, где грибы у них, всё, всё мне там известно.

- Как в песне поётся: «И всё вокруг колхозное. И всё вокруг моё!» Наверное, скучно одному в тайге?

- Мне нисколько не скучно. Я был охотником. Один год даже жил один и не показывался на люди. Помню, когда конфликт получился с администрацией школы, где я работал преподавателем физкультуры, меня очень обидели. Я просто не выдержал. Думаю: «Так, я уйду в лес и буду жить один. Раз меня общество выплюнуло – обойдусь». И целый год жил один, построил избушку и жил себе.

- Все-таки это отложило отпечаток, у тебя есть стихотворение об одиночестве.

С трубою чёрной на макушке
И с белой лайкой у дверей
В ложбине пряталась избушка,
И в ней я жил в краю зверей.

Один до родниковой речки
С ведром торил тропу в метель,
Рубил дрова, курил у печки
И сам стелил себе постель.
Во всём придерживался меры,
Себя любя и не любя
И выгнездить пытался веру
Одну лишь – в самого себя.
Стреляя дичь по перевалам,
Я жил себе, как в ножнах нож.
И думал: с таким забралом
В тайге никак не пропадёшь.
Мели снега и зори висли.
И я не ведал, что лыжнёй
Моя беда коварной рысью
Повсюду следует за мной.
Когда пургою ты захлёстан
И рядом друга не видать,
Себя во всём совсем не просто
Боготворить, иль презирать.
И стал мой сон как призрак – зыбок.
И, просочась в моё жильё,
Ко мне вскочило на загривок
Зверь – одиночество моё.
Оно нещадно издевалось,
Оно глумилось надо мной:
То тьмой полуночной шепталось,
То хохотало тишиной,
То, убегая за увал,
Вело меня в кошмарный сон,
То вой метели превращало
В пронзительный трамвайный звон.
И я, как пойманный, метался,
И был придавлен я и сир,
А где-то плакал и смеялся
Так просто брошенный мной мир.

И за спиною дверь вздыхала,
И был готов бежать я в ночь,
И лайка руки мне лизала,
Не зная в чём и как помочь.

- Ещё одно стихотворение, хотелось бы прочитать из этого цикла.

- Я догадался. Про кота.

- Ко мне в тайге пришёл кот. И вот мы с ним делили одиночество и написалось потом стихотворение «Кот».

- Хорошо на словах звучит – один, в избушке. А вот, попробуйте хоть зиму перезимовать, хоть недельку там пожить! Жутко!

- Да нет. Я же с детства привык к тайге.

- Ладно, давай про кота.

От мира отгороженный,
Познав тоску и страх,
Я жил в сторожке брошенной
На четырёх ветрах.

Однажды из урочища,
Как чародей извне,
Без имени, без прозвища
Явился кот ко мне.

Он лешим неухоженным
Обшаривал мой дом,
И уши отморожено
Топорщились на нём.

Я принял это чудище
И накормил, чем мог.
И он, довольный участью,
Прибился мне под бок.

Там где-то воры шастали,
Чтоб сесть потом в тюрьму,
По улицам глазастые
Машины шли во тьму,

А здесь, в углу заброшенном,
На ветхом топчане,
Мурлыча,
Плоть зверёныша
Рассказывала мне.

О том, что в мире деется,
Где трудно жить любя,
Где можно понадеяться
Лишь только на себя,

О том, что кушать хочется,
Когда съестного нет,
И то, что одиночество –
Труднейшее из бед.

Холодную позёмкою
Стучала в дверь метель,
Но грела нас убогая
И жёсткая постель,

И слушал я участливо,
Что пел мне кот в тиши...
И были, были счастливы
Две сирые души.

- Здорово, здорово! А для меня самое приятное, что дети звонят и спрашивают: «Часто ли вы пишете стихи?». Выходит, они сидят у экрана и слушают твои стихи.

- Да не часто я пишу для детей. Стихи-то не кормят.

- Потому и работал охотником. Я помню строчки из твоей старой песни «... я стреляю в зверей, попадаю в себя, прямо в сердце своё всякий раз попадаю...»

- Я штатным охотником работал. Я зверей ровно столько стрелял, чтобы меня с работы не прогнали. А в основном план делал, собирая лекарственное сырьё, чагу, палки там строгал, метёлки вязал. А когда белок много, тогда конечно, для плана и белок стрелял, раз штатный охотник. Медведя, правда, один раз застрелил, а потом сказал, что больше никогда, никогда не буду. Мне было так его жалко, я даже ночь не спал.

- Вопросы поступают. Где книги Леонида Гержидовича? Вот вышла новая книга Леонида Гержидовича «Пихтовая Родина». Я захлёб прочитал её. Здорово! Спрашивают, можно ли её купить в книжных магазинах?

- Нет, наверное. У меня тираж был тысяча экземпляров. Половину уже раздарил.

- Леня, ещё стихотворение, а то время бежит, бежит. Может, о времени есть стихотворение, о его скоротечности.

- Есть у меня одно стихотворение. Вот буду новую книжку издавать, я его, наверное, поставлю первым. Это как раз о душе.

Время мгновенья листает,
Помнится разум земной,
Чьи это мысли витают
Там, над моей головой.

Кто предо мною предтечей
Сам себе сударь и Бог
Слов негасимые свечи
В тьме мирозданья зажжёт.

Вижу, размножился в выси,
Мысли парят в вышине,
Чувствую, тихо из выси
Мудрость исходит ко мне.

- Лёня, когда я вёл программу «Семейный альбом», то обычно всем в конце передачи задавал вопрос: «В чём смысл жизни?»

- Не знаю. Но, вероятно, смысл жизни, Юра, в жизни.

- Тогда, как прожить жизнь, чтобы не было мучительно больно Создателю за бесценно прожитые годы?

- Маленько ещё пожить хочется. Вот так вот. Просто так, взять и пожить в своё удовольствие. Это же здорово!

- «Всё проходит, потом повторится?»

Дом над взгорьем, трубастая баня,
И тропинка размотана вниз,
И над ними, как миг мирозданья,
Крик неведомой птицы навис.
Величавый кедрач над речушкой
Пеленой неподвижной обвит,
Лишь над камнем вода завитушкой
Обозначить себя норовит...
Всё проходит, потом повторится
Этот лес, этот крик, этот дом...

- Тут вопросы продолжают приходить. Поздравления вам отовсюду. Спасибо что вы есть! Смотрят односельчане. Пишут: «Очень приятно слушать стихи о родных местах». Позвонил ваш старинный ученик из города Тайга Вячеслав Голиков, благодарит за стихи. И так далее и так далее.

Вот вопрос: «Почему не будет больше этой программы?» Это вопрос не ко мне. Я могу сказать, что мы хотели только приоткрыть форточку, через которую вылетело бы в эфир слово поэта, композитора, художника... Но кому-то это не понравилось. Так что смотрите «Окна».

На финал я прошу Леонида Гержидовича прочитать стихотворение «Сафари по-русски».

Забыла осень про раскачку.
В тайгу, как тать, ступил мороз.
Давай, медведь, заляжем в спячку,
Нам в самый раз – анабиоз.

На горях отошла малина,
И борщевик усох дотла,
Твоя кургузая хребтина
Их сока вдоволь набрала.

Пора ко сну в надёжном месте
Залечь. Но знаешь ли, мохнач,
Тебя с твоей берлогой вместе
За доллары скупил богач.

Крута его экипировка:
Ушанка голубых песцов,
И скорострельная винтовка
Наиновейших образцов.

Он вина тонкие и виски
Пивал, ел вересковый мед,
А вот экзотики сибирской
Его нутру не достаёт.

Куда деваться нам, топтыга?
Тепла не жди. Грядёт мороз...
И у меня дела, – как фига,
Что ни на есть – под самый нос.

Трудился я без передышки.
Старался из последних сил,
Но ветер времени, как шишку,
Меня сорвал и облушил.

Нужда разула и раздела,
И дом списала за долги,
Я оказался не у дела,
Как марафонец без ноги.

Из развалюхи за ворота
Теперь опасно выходить:
Убьют, как пса, мордovorоты –
Своих хонориков кормить.

Я брошу всё: и город страшный,
И страшных нелюдей-людей.
В таёжной, непролазной чаще
Надежней жить среди зверей.

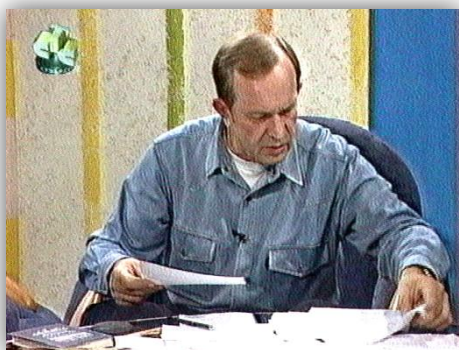
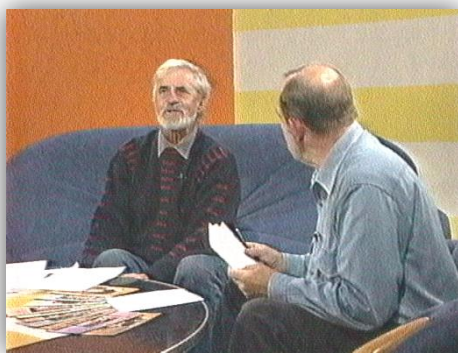
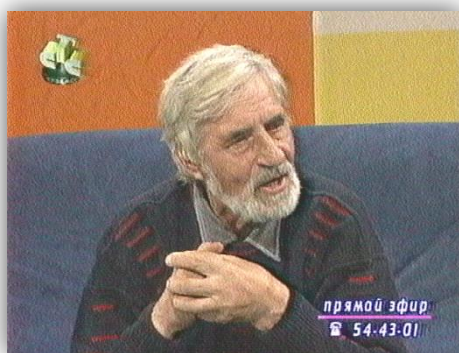
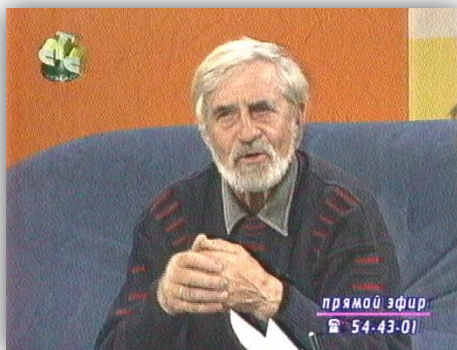
Под ветра стылого заплачу,
Под скрип деревьев, в самый срок
Давай, медведь, ляжем в спячку,
Прими меня под жаркий бок.

А если подойдёт к берлоге
Заокеанский господин,
Оставив где-то у дороги
Свой быстроходный лимузин.

Без треволнения и без страха,
Уняв негодованья дрожь,
Скажу ему:
- Пошёл ты на хер!
Здесь я живу – российский бомж!

Жаль, что не будет этой программы. Хотелось больше услышать и почитать стихов.

- Надеюсь, наше слово найдёт себе дорогу. Спасибо!

Кадры из передачи «Как слово наше отзовётся...»
Поэт Леонид Гержидович.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ ГДЕ ТЫ НАШЁЛ ПОЭТОВ В КУЗБАССЕ?

Одна из следующих передач должна быть с поэтом Валерием Казаковым – он тогда работал в Кузбассе Главным федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации.

Передача уже стояла в расписании и даже была опубликована в печатной программе. За день до эфира подхожу к расписанию и вижу, что её вычеркнули.

Бегу в сектор выпуска. В чём дело? Мне говорят – это решение начальства.

Иду к директору. Спрашиваю, почему закрыта программа. Ответ я вынужден напечатать большими буквами:

- ГДЕ ТЫ НАШЁЛ ПОЭТОВ В КУЗБАССЕ?

Ну, что сказать про Сахалин?

Те поэты, что были в эфире – не в счёт, а те, кто стоял в плане – зрители не увидят.

Вот живёт на земле поэт, чьё слово не так часто звучит в эфире. Да и вообще поэзия сегодня где-то на задворках. Нынче модно говорить и показывать воров, насильников, убийц. Помните: «В таёжной, непролазной чаще надёжней жить среди зверей...»

Кто так может сказать? Только тот, у кого изболелась, исстрадалась душа о нашей русской житухе. Настоящая поэзия очищает душу, она – как ангел-хранитель. Вероятно, Создатель посылает на Землю поэтов, чтобы мы не забывали обращать свой взор в себя и на небо. Будь здоров поэт! Радуй нас своими стихами. Не обращай внимания, что где-то кто-то закрывает тебе дорогу к читателю. Как сказал, поэт: «И нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать...»

Я ещё не знал, что до закрытия программы «Шаг за горизонт» оставалось три года.

То-то ещё будет!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.	3
Расшифровка фильма	5
Как и где мы снимали?	29
Фотографии из альбома	49
Фильм ценою 250 тысяч	56
Уходящая натура	70
Как слово наше отзовётся	75
Поэт Борис Бурмистров.	76
Поэт Валентин Махалов	90
Поэт Александр Катков	104
Поэт Леонид Гержидович	120
Вместо послесловия	
Где ты нашёл поэтов в Кузбассе?	134

Автор этой книжки — кинооператор, бывший ведущий популярной программы «Шаг за горизонт» Юрий Светлаков.

С 1961 по 2006 год работал на Кемеровской студии телевидения.

Снимал киноочерки, вёл циклы передач:

«Кинолетопись Кузбасса», «Рассказы о Кузбассе», «Колесо», «Люди земли Кузнецкой», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом».

Автор нескольких книг: «Киноленты памяти», «Съёмщик»,

«Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Шаг за горизонт-2»,

«Путь непослушания, или неправильные люди»,

«Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях»,

«Запрещённый «Шаг за горизонт», «Дом поэта», «Автор-оператор»,

«Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд».

«Штрихи к портрету», «Две книжки под одной обложкой»,

«Диалог», «Слово о полку Игореве», «Отражение»,

«Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть»,

«Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь»,

«Предсказание катастроф», «Житель Марса Иван Егорович Селиванов».

Профессор кафедры фотовидеотворчества КГИКа.

Член Петровской академии науки и искусств.

Почётный гражданин Кемеровской области.

Сайт: yuri-svetlakov.ru

Эл. почта: svetlakov38@mail.ru

Светлаков Юрий Яковлевич

ПОЭТА НАДО ИЗДАЛИ ЛЮБИТЬ...

Под редакцией автора.

Компьютерный набор:

Елена Светлакова,

Елена Стафиевская

Подписано к печати 7. 07. 2017 Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. Печ. Л. 12. Тираж 100 экз. Заказ № 167

Рекламно-полиграфическое агентство «Ректаймс»:

650099, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1в, Тел. 76-87-44

Василий Фёдоров

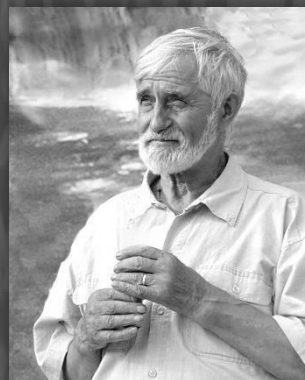
Борис Бурмистров

Александр Катков

Валентин Махалов

Леонид Гержидович